

Александр Прозоров

В
С
С
Н

Врата смерти

Александр Дмитриевич Прозоров

Врата смерти

Серия «Ведун», книга 15

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=267072

*Александр Прозоров Врата смерти: Ленинградское издательство;
Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0456-6*

Аннотация

Он пришел из нашего мира... Его называли... Ведун!

Олегу так и не удалось вернуться в свое время, чтобы вернуть к жизни торкскую невольницу и помешать колдунам из Каима открыть ворота смерти. Он вынужден продолжать свой путь по дорогам Древней Руси, спасая людей от порчи и болезней, сражаясь с колдунами и обычными лесными татями, доказывая свое право на звание ведуна князьям и обычным смертным. На длинных лесных тропах он все же узнает тайну колдунов-братьев, исполняет до конца свой зарок и испивает костяную чашу прекрасной богини Мары.

Содержание

Пролог	4
Корчма у болота	13
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Александр Проzorov

Врата смерти

Пролог

В длинных и прохладных запасниках Русского музея, спрятанных от мирской суеты вниз, под толстые кирпичные своды, мрак и тишина не развеивались почти никогда. Потому даже две лампочки по шестьдесят ватт, вспыхнувшие по концам узкого хранилища в крыле отдела этнографии, показались ослепительными прожекторами, а спокойные голоса двух человек звучали, словно истошные вопли:

– Михаил Игоревич, может, проще Аркадия подождать? Он сам найдет, если есть... – уговаривал солидного даже в простом халате, упитанного и осанистого, с большими залысинами и маленькими белыми ушами товарища другой – молодой, хорошо сложенный, аккуратно постриженный и круглолицый, но в силу обстоятельств вынужденный упрашивать, а потому кажущийся и ростом покороче, и видом пожиже.

– Ну да, а татарчонок на неделю без уха останется.

– Сделаю я ухо, Михаил Игоревич! Завтра готово будет.

– Ты его три раза уже клеил, Кирилл. И больше чем на месяц не хватало.

Они двигались по запаснику вдоль рядов с вешалками, где под полупрозрачной пленкой доживали свой век платья, куртки, сюртуки, балаки, ферязи, балахоны, брасьеры и прочие одеяния вековой давности. Вешалок со штанами при этом почему-то не имелось ни одной.

– Последний раз ухо ни при чем было, это голова...

– Не напоминай мне про голову! – взмолился солидный. – И вообще, проще всего мальчишку забрать, осмотреть и составить дефектную ведомость. А там решим – клеить или же списать и думать о заказе нового манекена. Ты по сторонам-то смотри, смотри. Аркадий, помню, мне целый сундук этих самых ушей сменных показывал. Разных форм, цветов и фактуры. Заменяем сразу пару, так, глядишь, еще год-другой татарчонок у двери и простоят. А там как раз можно о смене композиции подумать... Стоп, а это еще что?

В глубине одного из полусводов, уходящего чуть дальше остальных, под вешалкой с вамсом и несколькими шузяями он вдруг заметил женскую ножку.

– Эй, кто там есть?! Выходите немедленно! – потребовал было Михаил Игоревич, но к концу фразы голос его звучал уже не так уверенно. Он сам двинулся к вешалке, откинул пленку, аккуратно раздвинул костюмы, кивнул: – Ну да, естественно, кому тут взяться? Просто еще один манекен. Кирилл! Иди сюда, посмотри, какая ювелирная проработка каждой детали. Губы прямо влажными кажутся, волосы как настоящие, реснички на глазах одна к одной, ямочка вон на

щеке, словно улыбнуться собралась, но сдержалась. Умели же делать! Интересно, чье производство? Понижь явно пермской школы плетения, но вышивка халата, тафьи, туфель... Подожди! – Мужчина задумчиво потер подбородок: – Отделка катурлином, двойной стяг по подолу, застежки внизу запаха. И все мягкого войлока. Кирилл, это же типичный южноуральский костюм! Самый что ни на есть образцовый!

– Да, Михаил Игоревич, – кивнул паренек. – А вы знаете, давайте завтра, как Аркадий приедет, попросим его на время этот манекен в экспозицию отдать, а я за пару недель из старого татарчонка конфетку сделаю!

– Или дефектную ведомость. Ты забываешь только об одном, Кирилл. Мы с тобой находимся в музее. И все, что хранится здесь, принадлежит тоже музею, а не какому-нибудь Аркадию. И пока директором здесь являюсь я, для распоряжения имуществом мне ничьего соизволения не требуется. Вот тебе ключ. Когда все закончишь, запрешь хранилище и принесешь мне.

– Что закончу? – не понял Кирилл.

– Возьми кого-нибудь себе в помощь, уберите татарчонка с глаз посетителей, а на его место поставьте эту красоту. Инвентарный номер списать не забудь, дабы путаницы с учетом не возникло. И все, мальчишка твой. Занимайся трепанацией, пока не надоест. Давай, действуй, – похлопал Михаил Игоревич молодого сотрудника по плечу. – Я буду в кабинете.

С татарчонком молодой человек управился сам, без посторонней помощи. Просто прикатил в залитый утренним солнцем зал «Татарского быта и суеверий» транспортную тележку, опустил ее площадку, аккуратно протиснул под основание манекена, после перевел в верхнее положение и спокойно укатил к себе в мастерскую. С новоявленной же татаркой пришлось повозиться. Прежде всего, манекен оказался без подставки. Причем Кирилл, пока перетаскивал южно-уральскую красотку, не заметил на ней никаких точек крепления. Между тем, если экспонат оставить в зале не закрепив – пусть даже за ограждением и под стеклом, – его обязательно опрокинут в первый же час. Такое уж странное свойство есть у посетителей музеев – ронять даже то, до чего дотянуться невозможно в принципе. Телекинез тренируют, что ли?

Правда, разбираться с этим вопросом в темном и холодном запаснике было все равно не с руки, а потому додумывал эти мысли начинающий реставратор уже на пути к залу, неся татарку за плечи, в то время как Семен Ростиславович и Паша из меховой мастерской удерживали ее за ноги. Под недоверчивыми взглядами двух скучающих смотрительниц и парочки, больше занятой друг другом, нежели экспозицией, мастера осторожно водрузили молодую татарку в центр темного квадрата, оставшегося от убранного мальчишки.

– Спасибо, ребята, дальше я сам, – кивнул Кирилл. – Думаю, помост новый нужно такого же размера сделать, чтобы

в глаза не бросался.

Но тут за его спиной раздался такой оглушительный истерический вопль, что мысли о работе мгновенно вылетели из головы. Молодой человек моментально развернулся, чуть присел, рука метнулась в карман халата, где неизменно болталась тяжелая отвертка с каленым жалом и обрезиненной рукоятью.

Одна из смотрительниц к этому мгновению уже распласталась на наборном паркете из восемнадцати пород ценного дерева, вторая с невероятной для ее возраста и грузности скоростью мчалась в сторону центрального входа Музея этнографии. По мере ее удаления ослабевал и вопль. Влюбленная парочка не менее шустро рванула через зал к дальней двери, но там остановилась – видимо ощутив себя в безопасности.

– Что случилось-то? – так и не понял Кирилл.

– Где я? – тихо прозвучало возле самого его уха.

– В музее, – не очень уверенно ответил он на странный вопрос, повернувшись обратно к татарке. И, впервые увидев ее лицо в ярких лучах света, понял, что неведомый мастер при всем своем мастерстве здорово промахнулся. Он перепутал глаза и вставил девушке один сочного и глубокого синего цвета, а другой – не менее яркого, но зеленого.

– Что такое «музей»? – не понял манекен, старательно поправляя растрепанную во время переноски одежду.

– А-а... – В мозгу молодого человека наступил ступор. Не

возникало никаких мыслей, никаких чувств и никаких вопросов. В одном краешке сознания затаилось понимание того, что всего этого быть не может. Никак, совершенно никак, абсолютно. В другом – надежда на то, что все происходящее наверняка может как-то очень просто разъясниться. И наверняка – как-то правдоподобно. Остальное же пространство наполнилось пустотой. Губы сами собой пробормотали невнятный вопрос: – Ты кто?

– Урсула я, невольница боярина Олега, – охотно призналась девушка. – Он меня в походе на торков взял. А туда в гарем меня из Каима продали. Сам кем будешь, боярин? Как я здесь оказалась? Где мой господин? Берегись, коли неладное что сотворил! Господин мой колдун сильный, коли проклятие наложит – и жизнь не в радость покажется!

– Колдун, – сглотнув, согласно кивнул Кирилл. – Колдун, который воевал с торками. Ну да, конечно. Колдун.

С оглушительным топотом в зал влетели все три охранника, выставив газовые пистолетики, закрутились между витринами.

– Муркашин, проверь, как Лидия Петровна? Пульс есть? – указал на бесчувственную смотрительницу коротко стриженный и уже совершенно седой, несмотря на вполне средний возраст, Леша Егоров. – Кирилл, чего случилось? Матвеевна примчалась вся белая и не в себе, орет белугой, не понять ничего.

– Случилось, – по инерции согласился молодой человек,

не отрывая взгляда от ожившего манекена.

– Вроде на месте все, – стали прятать пистолеты охранники, не найдя следов кражи или вандализма. – А мы уже тревожную кнопку давануть успели, сейчас наряд примчится. Чего ментам-то сказать, Кирилл? Что с Лидией Петровной? Кто это ее приложил? Кто тут вообще нашкодничал?

– Нашкодничал... – Начинаящий реставратор вдруг ощутил в ногах неодолимую слабость и сел на пол перед очаровательной девушкой, удивленной ничуть не менее всех остальных.

* * *

– Как выразился заместитель горпрокурора Михаил Жданов: «Пострадавших материально или физически в результате происшествия в отделе этнографии Русского музея не выявлено, а публичное оживание, согласно действующим как Уголовному, так и Административному кодексам, не является наказуемым деянием. В связи с этим уголовного дела по факту случившегося возбуждаться не будет, а подозреваемая освобождена из камеры предварительного заключения еще до истечения предельного срока административного задержания. Принимать меры для установления ее личности органы правопорядка не имеют основания».

На экране телевизора произошло шевеление, хлопнула дверь, по ступеням шагнула было Урсула, но тут же шарах-

нулась назад от многочисленных ослепительных фотовспышек, черных глазков камер и леса микрофонов, уперлась спиной в Кирилла. Тот скинул изрядно потрепанный за день халат, прикрыл ее, провел вдоль самой стены до угла, открыл низкую синюю иномарку с фордовской эмблемой на капоте, усадил внутрь, накрыл халатом с головой, обежал с другой стороны, прыгнул за руль, и спустя пару минут машина двинулась с места, расталкивая капотом ближайших репортеров.

– Напоминаю зрителям, – захлебываясь и глотая от нетерпения окончания слов, заговорил диктор, – что сегодня в Русском музее, в отделе этнографии, на глазах у многочисленных свидетелей ожил один из самых старых манекенов, что вызвало большой переполох среди посетителей. Манекен превратился в юную царевну в древнем одеянии. Выглядит новоявленная Галатее всего на шестнадцать лет и имеет глаза разных цветов, синего и зеленого. Утверждает, что является рабыней средневекового деспота, а фамилии она не имеет вовсе. Однако представители милиции не скрывают своего скепсиса. Они подозревают, что сотрудники музея, по всей видимости, всего лишь провели яркую пиар-акцию, дабы повысить посещаемость экспозиции. С вами был Анатолий Чагин, «Региональное телевидение».

– Аж четыре раза о сем повторил, паршивец, – хлопнул кулаком по столешнице Ворон. – Ровно за язык его кто тянет. Теперь уж про глаза разные каждый глухой и мертвый

на всей земле услышал.

– Извини, Ратмирович, уж не ведаю, как получилось, – развел руками парень напротив. – На день всего отлучился, честное слово. Возвращаюсь – а там уж представление в полном разгаре. И целая толпа с камерами.

– Битого яйца назад не склеишь, Аркадий. Коли на волю вышла, так, стало быть, судьбой ей выпало, не поспоришь. Постараюсь приглядывать, как смогу. Ох, что-то про Олежку больно долго ничего не слышно. Мне его тут сильно не хватать теперь будет.

– Неожиданная развязка наступила в деле «дикой» Роксаланы, известной светской львицы и искательницы приключений, директора фирмы «Роксойлделети», – продолжал тем временем развлекать зрителей старенький клубный телевизор. – Как вы помните, еще три месяца назад она бесследно исчезла в горах Швейцарии. За любые сведения, способные пролить свет на ее судьбу, отец Роксаланы обежал выплатить миллион евро, но сумма так и осталась невостребованной. И вот, как сообщили из Мурома, сегодня утром она сама пришла в местное отделение фирмы и потребовала...

– Да выключи же ты его! – взмолился Ворон. – Бубнит и бубнит, бубнит и бубнит. Мочи моей больше нет это слушать!

Корчма у болота

Дорога, ведущая к Зельину урочищу, оказалась натоптана так, что ее легко можно было перепутать с трактом на сам Муром, до которого отсель оставалось всего три верховых перехода, а пешему иль на повозке – пять дней пути. Кто-то даже поставил указатель – хмурую оскаленную личину в половину человеческого роста, вырубленную из высокого елового пня. Широкие грубые сколы показывали, что мастер особо себя не утруждал, ограничившись десятком-другим ударов плотницкого топора с тонким острым лезвием.

– Сюда, – кивнул Олег, поворачивая коней на дорогу, на обочине которой и пугал путников приоткрытой пастью и глубокими глазницами истукан.

– Долго еще? – переспросила Роксалана. – Обрыдла уже эта слякоть!

– Под крышей заночуем, не бойся.

Муромское княжество встретило путников затяжными дождями. Вот уже восьмой день они и укладывались, и поднимались под мелкой и нудной моросью; под дождем скакали по Хазарскому тракту и поили лошадей, под дождем пытались развести огонь и приготовить пищу. От такой погоды не спасали ни войлочные плащи, ни кожаная одежда, ни шапки с широкими отворотами, ни уж тем более – узорчатые дорогие доспехи. К третьему дню они промокли насквозь, до

самой последней ниточки. И устали так, что Роксалана уже вторые сутки как не ругалась, лишь изредка переспрашивая, когда же все кончится.

Дорога перевалила взгорок, вильнула вправо вниз, почти сразу повернула налево, и путники оказались на дне глубокого оврага. Навстречу им текла настоящая река шириной в две сажени. К счастью, дно было усыпано плотно слежавшейся мелкой галькой, а глубина потока не поднималась выше конских копыт. Так что после глинистого расчавканного тракта здешний путь оказался даже лучше. Почти версту стены оврага становились все ниже и ниже, наконец дорога выбралась на склон и, описав короткую полупетлю, превратилась в широкую площадку у поросшего соснами пологого холмика.

У дождливой погоды оказался хоть один безусловный плюс: вопреки обыкновению, перед пещерой знахаря не толпились больные и просители. Путники спешили у навеса, привязали и расседлали под ним лошадей, поднялись ко входу в пещеру, вошли внутрь. В лицо ударило давно забытым сухим теплом, пахло сеном и жареным мясом. Вот только глаза после дневного света не могли ничего различить в сумерках, и хозяин берлоги узнал гостей первым.

– О-о, никак чадо мое нагулялося! – узнал Середин знакомый говорок Ворона. – Потянулось к отчему очагу.

– Привет, Ратмирович. Не поверишь, ан и правда заскучал.

– Это он, Олежка? – нетерпеливо уточнила Роксалана. – Это тот колдун, который сможет отправить нас домой, в наше время?

– Нечто тебя двое было, дитя мое? – удивился Ворон. – Вроде как один ты меня о прошлый раз навещал. Да и вовсе не упомяну я сей красавицы, ни в летах нынешних, ни в грядущих.

– В прошлый раз ее и не было, – признался Середин. – По дороге подобрал.

– Это еще кто кого подобрал?! – тут же полыхнула девушка. – Да если бы не я, ты бы до сих пор у туристской стойки в аэропорту билетики попрошайничал!

– По речам вижу, и впрямь не наших земель твоя чаровница, – усмехнулся мудрый знахарь. – Издалече прибыла, к законам сим непривычна.

– Из моего она времени, Ратмирович, виноват, – развел руками Олег. – Там подобных много уродилось. Сможешь обоих отправить, или не получится?

– Отчего же не получится? – хмыкнул чародей, отходя в глубину пещеры. – Заклятиям все едино – одного, двух али сотню. Токмо зелья вари поболее, заговоры твори, да силы в них вкладывать не жалей. Однако же плохо, что, когда готовил я сие варево, об одном тебе мыслил. Старался изрядно, хватить должно. Но лучше бы обождать немного, новые наговоры нашептать, силы добавить...

– И долго это? – насторожилась Роксалана.

– Коли переваривать – вестимо, к весне готово будет. – Ворон вернулся из темноты к очагу, держа в руке крохотную глиняную амфору, оплетенную тонкой замшевой сеткой. – Ну а наговорить лишнее слово – его в любой момент не сложно.

– Нет!!! – вскрикнула девушка. – Только не до весны! Все! Хватит! Нагулялась! Ни минуты лишней!

– Ну, ты-то, чадо, уразуметь обязан, что переварить полностью – оно куда как надежнее будет? – повернулся Ворон к Олегу.

– Коли не подействует, тогда можно и переварить, – пожал плечами ведун. – Открою тебе маленькую тайну, Ратмирович. Второй раз сюда меня уже не Велесов заговор, а твое заклинание забросило. Причем забросило как раз нас двоих, одно и без лишних наговоров. В тот момент не до них было совсем.

– Коли так, оно, конечно, все меняет, – согласился старый учитель. – Слово я лишнее добавлю, а зельем попытаемся сим обойтись, что есть. Встряхнуть его хорошенько надобно для равномерности, и дабы заговоры разбудить, да и разлить тонким слоем для быстрейшего высыхания, дабы со стихиями перемешался.

– Разбить! – посоветовал Середин.

– Вам лишь бы поломать все вокруг, отроки безголовые! – нахмурился Ворон. – Ладная вещица после вас еще людям послужит. Что же вы стоите, не проходите? Мокрые, ви-

жу, все. Раздевайтесь, сушитесь, грейтесь. Подсаживайтесь к очагу, я на угли сейчас хвороста подброшу.

– Может, не будем kota за хвост тянуть, дедуля? – предложила Роксалана. – Этак сперва обсохнуть, потом водицы испить, потом «утро вечера мудренее», так слово за слово до весны в конечном счете и дойдем. Давайте сразу дело кончать. Резанем гордиев узел разом, да по тощему горлу.

– И ты так мыслишь, чадо? – перевел взгляд на ученика Ливон Ратмирович.

– Честно говоря... – отозвался ведун. – Если мы тут у тебя в доме затеим большую сушку, неудобств доставим преизрядно. И ты намучишься, и самим не развернуться. Рухляди всякой набралось много. Если можно малыми хлопотами обойтись, лучше давай так и сделаем.

– А коли на той стороне в зиму попадете? Да все мокрые?

– Не попадем, Ратмирович, не беспокойся. Я каждый раз в тот же миг попадал, из которого ушел. А ушли мы последний раз аккурат летом.

– Ладно, дети, быть по сему, – поднял глиняный флакончик чародей. – Коли тверды вы так в своем намерении, отговаривать не стану. Обнимитесь крепче, дабы заклинание единым целым вас забрало.

– Еще чего, с этим пентюхом обниматься! – возмутилась Роксалана. – Я лучше свою сумку чересседельную обниму. У меня там платья любимые, кинжал персидский, украшения и еще кое-какие мелочи на первый день. Ведь то, что

на тебе, с тобой перенесется, я правильно помню? Подожди, дедуля, я сейчас.

И девушка выскочила наружу.

– А ты, чадо мое, что же не бежишь?

– То, что у меня здесь лучшего и любимого есть, учитель, я лучше тебе оставлю, – кивнул ведун. – Оно здесь куда полезнее будет и к месту.

– Учитель... – Присев на корточки у очага и чуть растопырив локти, Ворон поворошил палочкой угли. – Слово сие звучит для души ласково. Странно только слышать его от отрока, встретиться с которым лишь через десять веков предстоит.

– Но ты же меня узнал?

– Узнал, – согласился колдун. – Видать, там, в твоё время, в памяти места на все уж не хватает, от и отдаются воспоминания будущие аж до сего момента. Даже и не ведаю, плохо сие, али радоваться надобно.

– Разве плохо заглянуть в будущее?

– Кабы ещё понимать, что увидел.

– Вот, готово... – ввалилась в пещеру Роксалана с тяжелой сумкой через плечо да еще и с пухлой скруткой, по краям которой выглядывал мех, краешки тонких китайских шелков и ножны подарочных клинков. Именно скрутку она и всучила ведуну: – Вот, держи. Чтобы и ты не с пустыми руками. Зря, что ли, почти два года тут корячились! Все, мудрый колдун, мы готовы. Начинай свои мантры. Домой хочу, домой!

– Не терпится, стало быть? Ну, не желаете в объятия друг друга заключить, так хоть за руки возьмитесь. Я же Кроноса в помощь призову и в его честь зелье свое разом иссушу.

Даже просто «взяться за руки» было пожеланием трудно-исполнимым. Скрутка оказалась столь объемной, что ладони на ней сходились только-только, едва касаясь кончиками пальцев. Роксалана же старательно придерживала на плече тяжелую сумку, которая норовила соскользнуть на пол.

– Услышь меня, отец богов, созидатель мира, властелин стихий и покоя... – Ворон, несколько раз резко встряхнув, открыл флакончик и забормотал над самым его горлышком: – Дай силам моим свою силу, дай воле моей свою волю, надели надежды смертные своею вечной властью. Да исполнятся заклятия и заклинания сии с сего часа ныне и навек!

Чародей решительно выплеснул свое зелье тонкой струйкой на горячие камни по краю очага, и оно мгновенно превратилось в пар, чтобы окутать слабой дымкой тела трех людей. Стены, потолок поплыли, словно попавший в кипяток пчелиный воск, дрогнули – но устояли, сохранив былую прочность. В знахарской пещере повисла мертвая тишина. Только через минуту ее нарушил легкий шелест.

– Нормальный ква, – вздохнул Олег и кинул на пол бесполезную скрутку.

Произнесенное Вороном заклинание перенесло в будущее Роксалану и... самого Ворона. Что, пусть и запоздало, показалось вполне логичным: ведь читал заговор именно колдун!

– Надо было таки ее обнять... – признал правоту Ливона Ратмировича ведун. – А может, и не надо. Остались бы вдвоем, получилось бы еще хуже. Ладно, придется сушиться здесь. Где тут у него хворост заныкан?

Найденные чуть ли не на ощупь у стены сухие ветки, попав в очаг на темно-красные россыпи углей, уже через минуту украсились высокими языками пламени, и ведун наконец-то смог оглядеться.

Жилье Ворона особой роскошью не поражало, однако из главной пещеры, в которой он находился, уходили в стороны несколько темных лазов, а потому аскетизму учителя Середин поражаться не спешил. Дым от костра уходил наружу не через притолоку над дверью, как в большинстве топящихся «по-черному» изб, а куда-то в специально пробитое наверху отверстие. Именно вокруг него, вероятно, висели пучки ивовых и березовых веток, связки мелкой рыбы и каких-то трав. Видимо, тех, что нуждались не в засушке, а в легком копчении. Еще немало пучков обветривалось у верхнего края кошмы, плотно прибитой к земляным стенам по всей их длине, похоже, для красоты – в отапливаемых пещерах стены и без того обычно теплые, отгораживаться от них ни к чему. Правда, пол оставался просто глиняным, хотя и хорошо утоптаным.

– Ладно, разложу тогда подарки, пока хозяин возвращается... – Ведун распустил ремни скрутки, развернул кошму. В воздухе тут же запахло мокрой шерстью. Олег перебрал

оружие, развесил его на стенах – ему тоже лишняя влага на клинках и в ножнах ни к чему. Короткие коврики прицепил у входа, кошму бросил на пол в глубине пещеры. Затем разделся, подбросил еще хвороста, погрелся немного возле пламени – и отправился на улицу расседлывать и поить скакунов, разбирать остатки вещей.

В хлопотах прошел остаток дня – однако Ворон так и не вернулся. Того, что учитель загостится в будущем, Олег особо не опасался. Колдун мог провести там хоть половину жизни – но там все равно не его мир. Рано или поздно чародею захочется домой. А вернуться он должен точно в тот миг, из которого ушел.

Правда, это может случиться совсем в другом месте...

Перед самым закатом ведун все же решил углубиться во владения своего учителя и осмотреться в других пещерах. Одна из них оказалась уютной опочивальней с букетами пижмы и полыни для аромата, толстыми кошмами и коврами на полу и шкурами в несколько слоев на самой постели – не столько для тепла, сколько для мягкости. Укрывался Ворон подбитой снизу шелком шкурой белого медведя. Видимо, где-то в глубине души старый колдун все же оставался обычным мальчишкой-пижоном. Еще две пещеры были небольшими кладовочками с готовыми мазями, зельями, травами и порошками. Большую часть ведун узнал на вкус и на запах – зря, что ли, столько лет в послушниках у Ворона бегал. Но еще очень многие оставались ему незнакомыми.

Наговорены составы или нет, тоже было непонятно. Освященного креста Середин, увы, с собой в этот раз не имел.

Четвертый лаз, как оказалось, уходил глубоко вниз, в весьма вместительный погреб, половина которого отводилась, опять же, всякого рода зельям, а другую занимали съестные припасы, причем довольно обширные. Тут были и яйца, и копченая курятина, и соленая рыба, и ветчина, и белорыбица, и бочонки с медом, и крынки с тушенкой. Именно ею и настоящим ставленным медом Олег и соблазнился, благо никакого приготовления перед употреблением эти блюда не требовали. Однако в тепле, сытости и сухости он не смог одолеть и половины миски, заснув прямо возле очага.

Утро на удивление оказалось ясным, солнечным и даже жарким. Вычистив лошадей, ведун пустил их щипать траву по низу холма, поправил край навеса, заменив прохудившуюся слегу новой, срубленной у дороги в овраге, после чего отправился в лес на поиски сухостоя – хворостом, известное дело, дома не протопишь, а никаких дров среди запасов Ворона он не нашел. Искать пришлось недолго – в окрестном лесу, похоже, нога человека не ступала вовсе, и десятки мертвых почерневших стволов торчали среди юной поросли в нескольких минутах пути от пещеры. К вечеру половина свободного места под навесом для скакунов была занята поленицей, и потому новым утром Середин, с наслаждением работая топором, стал рубить по другую сторону площадки новый навес. Руки его давно соскучились по работе, обыч-

ной человеческой работе, припасы Ворона позволяли не задумываться о хлебе насущном, ну а польза – всякому понятно, что дрова и крыша лишними никогда не бывают. Особенно если снова зарядит ненастье, и на счету будет каждый сухой клочок земли.

На третий день, когда ведун уже вовсю крыл новый навес дранкой, на поляну вышла растрепанная заплаканная крестьянка в мешковатом кожухе, в руках она держала щуплого ребенка годиков четырех. Шмыгая носом, она сразу заголова:

– Здесь ли Ворон, дома ли он ныне-е! Да смилуются боги над моей горестью-ю... – Подвывала она изредка, но Олег почувал, что рискует оказаться свидетелем настоящей истерики, и, вогнав топор в очередной чурбак, поспешил к женщине.

– Что за беда у тебя, милая?

– Ворона звать надобно, Ворона! Малыш уходит к богине ночи, Мара уж рядом совсем, чует мое сердечко...

Ведун на всякий случай оглянулся, негромко пробормотал:

– Не оставь меня милостью, прекраснейшая из богинь. – И уже громче спросил: – Что с ребенком?

– В горячке весь, четвертый день уж беспамятует! Я уж лихоманку и жаром гнала, и малиной, и медом, и наговором, а горячка токмо сильнее делается...

Олег потрогал тыльной стороной ладони лоб ребенка, его горло, прислушался к дыханию. Указал на скамью возле ко-

НОВЯЗИ:

– Ну-ка, разверни.

– Ворона, Ворона зови, – потребовала мамочка.

– Нет Ворона, – отрезал Олег. – Могу посмотреть, или ступай с богом, иных знахарей тут ныне нет.

Женщина чуть поколебалась, но все же решилась, стала раскрывать намотанные на ребенка платки. Олег быстрыми движениями растер ладони, чтобы были теплее, коснулся горла тяжело дышащего малыша, его груди, живота. Тот, даром что был в беспамятстве, резко вскрикнул.

– Куда ты смотришь, мамаша?! – в сердцах сплюнул Олег. – У малыша колики, а ты лихоманку гонишь! Жди здесь, сейчас зелье дам!

В пещере, найдя среди припасов Ворона корень лопуха, он наскоро заварил малую толику в оловянном черпаке, вынес на улицу:

– Как остынет, напои ребенка. Не торопись, ему сейчас только ожогов не хватает. – Пока женщина боролась с нетерпением, ведун вернулся в пещеру, отложил пучок лопуховых прядей в березовый туесок, прижал ко лбу: – Именем Свароговым, волей Белобоговой, силою Триглавы, жаром Хорса накладываю на тебя бремя спасти и оборонить дитя малое от порчи, колдовства и хвори вредящей, от лиха и зла, от печали и марьиной памяти.

Выйдя на свет, протянул туесок женщине:

– Вот, по пряди с утра запаривай в маленькой емкости,

да пусть ребенок весь день пьет. На седмицу хватит, а больше и не нужно. Молиться о помощи к радунице своей ходи, от живота радуница главную помощь дает. И греть малыша больше не нужно, ему от этого только вред. Отойдешь отсюда, сядь отдохнуть в удобном месте. Живот у малыша прочиститься должен через несколько минут, сразу легче станет. – И Середин отобрал у нее пустой половник.

– Нешто выздоровеет? – сразу посветлела лицом гостья, поклонилась в ноги: – Звать-то тебя как, мил человек, за кого Сварогу кланяться.

– Именем Олег, по прозвищу ведун. Ученик я Ворона, за него молись. Теперь ступай, о малыше думай, потом кланяться будешь... – Середин отвернулся и демонстративно снова взялся за топор. Ребенка после отвара должно было прослабить, и ему очень не хотелось, чтобы это случилось вблизи пещеры.

Крестьянка потопталась, говоря еще какие-то хорошие слова, наконец собралась и скрылась в стороне оврага. Однако же не успел Олег разделить на пластины и пару чурбаков, как оттуда появились сразу две новые просительницы. Ведун, тяжело вздохнув, отправился навстречу.

Одна долго и как-то даже сладострастно жаловалась на порчу, от которой сохнет день за днем и мается сразу всеми болезнями, и даже назвала трех знакомых, желающих сжить ее со свету. Но, на взгляд Олега, виноваты во всем были банальные глисты, от которых он и дал отвар папоротника, на-

казав не переусердствовать с лечением, ибо зелье содержит слабый яд. Вторую попытался вылечить от боли в спине разовым массажем. Как это обычно и бывает, разминание помогло – но ведун знал, что уже завтра боли вернуться, и против них не поможет даже барсучья мазь с горчицей и гвоздикой. Ибо никакой массаж и никакие мази не способны восстановить позвоночные диски – только ослабить боль.

Пока он разбирался с этой парой – подтянулись еще трое болящих, а потом еще и еще. Кто-то просил помощи для детей или родителей, кто-то оказывался болен сам, на ком-то лежала порча или проклятие. Середин шупал, мазал, заговаривал, отливал водой, нашептывал, снимал – пока в преддверии заката толпа посетителей не начала, наконец, рассеиваться. Теперь он понял, отчего у Ворона не имелось иных припасов, кроме хорошей еды и жалкого хвороста. Ему и самому сегодня вручили окорок, корзину яиц и еще кое-какую мелочь. Преподнести хотя бы вязанку дров никому из больных и в голову не пришло. Какой же это подарок? Вон, вокруг – бери сколько хочешь! Пили да пили...

На следующий день с самого рассвета снова потянулся поток просителей – ведун даже позавтракать не успел. Некоторые, узнав, что Ворон в отъезде, уходили, другие пользовались-таки помощью Олега. А большинству, похоже, и вовсе было все равно, что за знахарь встречал их у заветной пещеры. Их слушали, им давали советы, лечебные зелья и наговоры, они испытывали облегчение – и имя того, кто помогал,

их ничуть не интересовало.

Новую полосу дождей Середин встретил с огромным облегчением. Поток просителей оборвался, и целых три дня ведун мог спокойно разбираться с доставшимся по наследству хозяйством и делать для учителя хоть какие-то припасы. Олег все ждал, что тот наконец вернется к родному порогу. Похвалит его за старания, растянется на любимой постели, расскажет о впечатлениях, оставшихся после походов там, в будущем.

– Или они там вместе со вторым Вороном войну против Аркаима и его брата затеяли? Вдвоем, может, и справятся...

Но это было лишь гадание. Ответить мог только сам Ворон, столь долгое отсутствие которого наводило на Олега дурные предчувствия.

Кончились дожди, снова потянулась череда больных, невезучих и попавших под воздействие вредоносной магии. Снова день за днем, неделя за неделей ведун лечил и освобождал от дурного глаза, уже перестав с надеждой смотреть в сторону оврага. Знахарское дело постепенно превращалось для него в скучное нудное ремесло. Взгляд набился до того, что жалобы и болезни он угадывал еще до того, как женщина или подросток успевали открыть рот. Дни перестали отличаться один от другого и слились в долгий однообразный поток, конца которому не ожидалось во веки веков.

После одного из таких долгих, ничем не примечательных дней, уже поздно вечером, когда на улице сгустилась тьма,

в полог пещеры кто-то поскребся, и внутрь вошла женщина, низко поклонилась:

– Доброй тебе ночи, премудрый Ворон...

Такие поздние визитеры случались у знахаря редко – простые люди опасались приближаться ночью к обители известного колдуна. Но бывали. Кто-то из путников времени на дорогу не рассчитал, кому-то так неважко было, что даже нежить не пугала. Посему Олег особо не удивился. Кинул только в очаг несколько тонких хворостин да поправил:

– Не Ворон я, всего лишь ученик. Ведаю куда меньше, уж не обессудь.

Поднявшееся пламя осветило молодую просительницу: лет двадцати пяти, но как школьница конопатую, с круглыми заячьими испуганными глазами и длинной косой, свисающей из-под платка ниже пояса. Выглядела она при беглом взгляде совершенно здоровой. Крепкой сочной девицей, при взгляде на которую руки аж зачесались от желания хотя бы потискать этакий персик.

– А от немочи мужицкой исцелить можешь?

– От немочи мужицкой? – Олега разобрал смех. – Это как же тебе присвербило, коли ты среди ночи к колдуну в лес за лекарством от напасти этой побежала? Нечто совсем муж позабросил, а сегодня вспомнил?

– Нет у меня мужа, ученик Ворона! – недовольно сверкнула отблесками пламени в глазах гостя. – Вдовая я!

– Коли так, то и вовсе не понимаю, – откинулся на при-

крытую кошмой стену ведун. – Откуда это такое беспокойство?
– Не мое сие беспокойство. – Женщина кашлянула, повела плечами, развязала узел платка, потянула его кончики в стороны и опустила на плечи. – Общество меня послало. Всей деревней челом тебе бьем. Слабость у нас на корень мужицкий напала. Руки ничего не держат, ноги слабы. Ни днем работать толком не способны, ни ночью долга своего сполнить. Пашни зарастают, дома перекашиваются, хозяйство хиреет, а они ноги еле все волокут. Как кто из молодцев лихих свадьбу честную справит, так разом чахнуть начинает да бледнеть, из рук все валится, на жену не глядит...

Середин опять не смог сдержать усмешки: у деревенских пашни зарастают, дома перекашиваются, хозяйство хиреет – а они первым делом про «немочь мужицкую» спрашивают.

– Отчего же тебя послали, милая, сами не приехали?

– Какие ни есть, а мужики, – пожалала она плечами. – Хозяйство без догляда не оставишь, иначе зимой и вовсе хоть сосульки грызи. За моим нарезом и скотиной зато посмотреть обещались. Чтобы к пустому двору не вернулась. И вообще... Беляной меня родители нарекли.

– А меня Олегом, – представился Середин.

– Так сможешь ты от беды сей деревню нашу избавить, кудесник?

– Не кудесник я. Ведун обычный. Ведаю кое-что, чудеса творить пока не научился.

– Так сможешь? – настойчиво переспросила поздняя го-

стья.

Пламя над хворостинами опало, и в красном свете углей из темноты кроваво поблескивали зрачки Беяны да высвечивался контур тела по пояс, аккурат по белым рукавам и высокой груди. Темные юбки растворились в сумраке.

– Вся деревня? Все мужики? – покачал головой ведун. – Так прямо и не скажешь. Смотреть надобно, на место ехать.

– Прямо скажи, ведун, сможешь или нет? – опять потребовала гостя.

– Экая ты упрямая. Как же я скажу, коли даже не понимаю пока, в чем беда ваша?

– А коли узнаешь, то сможешь?

– Узнать – половина дела, – неуверенно ответил Середин. – Коли знать, откуда беда, всегда хоть что-то, да придумать можно. Где деревня-то ваша стоит?

– Тут недалече. Ден десять пути.

– Ого! – хмыкнул Олег. – Десять дней в один конец, да пока разберешься, пока вылечишь. Назад еще десять дней. Ты ведь меня, считай, на все лето отсюда забрать собираешься!

– В обществе сказали... – Голос Беяны стал ниже и глубже, она уронила платок и оправила ворот сарафана. Да так странно, что края его разошлись и полуобнажили плечи. – В обществе сказали: «Что хочешь делай, а знахаря привези».

Ведун смотрел на этот порхающий под двумя алыми огоньками бюст, поворачивающийся то одной, то другой стороной, и вскоре задумался об исчезнувшем Вороне. Вернул-

ся старый колдун в этот мир или нет, но если он уже который месяц не навещает свое логово – стало быть, отнюдь сюда не торопится. Может и через год появиться, может и через десять. Ворон лет не считает, что ему несколько лишних весен? А коли так – какой смысл здесь его ждать? И жаркое дыхание Беяны на губах Олега, за половину лета ни разу не коснувшегося женщины, на это решение, разумеется, ничуть не повлияло.

Гостья не давала спать ему едва ли не всю ночь, а когда оба наконец-то выдохлись – Середин поднял ее и отправил седлать лошадей. Сам прошел по пещерам, собирая свои вещи и пряча самое ценное из сокровищ учителя. Не от чужаков – кто позарится на неведомую мазь или груды пустых березовых туесков? Зелья и коробочки для них следовало укрыть от тепла и сырости. Из погреба Олег забрал продукты, не пригодные к долгому хранению, свободное место заставил корзинками с составами на жировой основе.

Надолго, конечно, его стараний хватить не могло – но уж за год все здешние соленья, квашения и сало должны были уцелеть. А там – либо Ворон вернется, либо он сам здешние места навестит, либо... Либо это все уже никому и не понадобится.

Наверху лазейку к погребу он закрыл мороком, натянув на нее личину мелкой дыры, пахнувшей отхожим местом. А выйдя под звездное небо – еще один морок поставил на само жилище Ворона, придав ему вид брошенной, полупровалив-

шейся ямы. Кто про сие место знает – подумает, что брошено, кто не знает – не полезет. А кому морок не страшен – тот пусть пользуется, не жалко. Домом пользуется, но и тяготу, с ним повязанную, несет. Ведун справлялся, сколько мог. Переведет дух немного – может, снова силу попытает. А пока...

– Прости меня, учитель, – низко поклонился порогу Олег. – Устал...

Он отступил, нащупал луку и легко поднялся в седло, подобрал поводья, привычно огладил саблю на боку, скользнул ладонью к лежащему на крупе круглому щиту. На душе сразу стало привычно и легко.

– Ну, показывай путь, общественница! Коли до рассвета на пару верст уйти успеем, назад уже никто не вернет.

– Верхом так и за пять ден успеем. – Беляна, словно сидя на облучке телеги, тряхнула поводьями: – Н-но, пошла! Десять дней – это я пешком шагала.

– Пять так пять, – пожал плечами Середин, вслед за ней спускаясь в овраг. – Раньше доберемся, раньше управимся.

– Зачем тебе меч, знахарь? – оглянувшись, спросила женщина. – Болезнь ею не прогонишь, лихоманку не срубишь.

– Не знахарь я. Ведун, – усмехнулся Олег. – Знахарем стану, как руки немощные станут. А пока супротив любой силы недоброй готов силу приложить. Могу огонь антонов извести, могу криксу болотную, могу татя лесного. Нам, ведунам, все равно, какой облик враг наш принял, заклятия змеиноного или зверя двуногого. Закон прост: попался – сгинь. Там, где

я прошел, земля чистой и безопасной должна остаться. Тому меня Ворон учил, того и совесть требует.

– Совесть, стало быть, служишь?

– Стараюсь... – Они как раз проехали мимо оскаленного истукана, и ведун негромко перед ним оправдался: – Я не бегу. Иным людям помогать еду. Позвали...

– А у нас возле деревни и тати есть, ведун, – выехав на залитый лунным светом тракт, придержала лошадь Беяна. – Правда-правда. Токмо одному с ними не управиться. Сказывают, чуть не полсотни душегубов в ватаге.

– Что, нападали?

– Не, нас не трогают, – мотнула головой Беяна, и коса хлестко ударила сперва по одному боку, потом по другому. – Чего с нас взять? Да и, может статься, кто из наших к ним подался. Не станут же они отчий дом разорять? На тракте они шалят, то бывает.

– Проезжий тракт?

– Не... Сколь себя помню, заброшен стоит. Сиречь местные по нему ездят, оттого и не зарастает. А чужих давно уж нет, не видать. Сказывали, он аж до Тверцы самой от нас тянется, во какой был! Да токмо то ли заболотился он где-то там, на севере, то ли рекой размыло, но перестали мимо нас в Муром торговые люди ездить. Иными путями теперича добираются.

– Торговые люди на ладьях ходят, – лениво изрек Середин.

– То большие люди на ладьях, – возразила Беяна. – А у иных товара на три возка всего и наберется. На что им ладья? По тракту на телеге куда как быстрее будет. Потому как прямо ехать выходит, без течений встречных и волоков.

– Да ты спец!

– Кто? – не поняла крестьянка.

– Знаток, говорю. В делах торговых.

– А как же там без этого? – развела руками та. – Огурцы, капусту да репу вырастить мало. Ее еще и продать на торгу надобно. Да так, чтобы разору не случилось. Кушать захочешь, так и научишься.

– Про огурцы и репу вспомнила, а хлеб даже не помянула.

– А куда мне, бабе, хлеб растить? Мне соху не удержать, с конем не сладить. Я на своем отрезе что попроще сажаю. Свеклу ту же, горчицу, подсолнухи. Прибыток не тот, но и сила мужицкая для работы ни к чему...

Так, слово за слово, и потянулся путь к деревне Чалово, пославшей к известному знахарю столь умелого просителя. Беяна легко болтала на любую тему, зная по чуть-чуть обо всем на свете – и про то, отчего небесные костры белые, а заря красная, и как от черного глаза на торгу уберечься, и как лешего в лесу обмануть. Делилась она знанием со столь подкупающей искренностью, что у Олега не возникало ни малейшего желания ее поправлять. Главное – что в дороге с ней было не скучно, и за веселым нравом быстро забывались и темно-рыжие конопушки, и неестественные, круглые с вы-

катом глаза. Во всем остальном она была идеальной спутницей и к тому же – отлично ориентировалась в переплетении довольно частых в пригородах Мурома дорог.

В первый день росохов встретилось больше десятка, на второй – всего два, а уж дальше тракт потянулся в гордом одиночестве, если не считать редких узких отворотов. Тут было ясно – или к хутору какому-нибудь дорога, или и вовсе на поле съезд. Узкий проселок с трактом, на котором три телеги бок о бок запросто ехать могут, не перепутать.

– И далеко отсель до Твери? – поинтересовался Олег, когда они миновали очередной поворот в сторону хорошо видимых под горой черных крыш.

– Кто же его мерил? – пожалла плечами Беяна. – Сама не ездила, а люди разное сказывали. Кто за десять ден промчаться может, а кому и месяца мало. Как ехать... Токмо давно оттуда проезжих нет. Видать, прохудился летник, непроезжим стал.

– А зимой?

– Зимой и раньше не ходил по нему никто. Зимой по льду куда как проще, нежели холмы переваливать.

Дорога и правда выдалась неровной, то забираясь на самые гребни холмов, то круто проваливаясь в низины. Верховым вроде и ничего – а вот с груженными телегами путники тут наверняка мучились. Зато с вершин каждый раз открывался роскошный вид на окрестные земли. Большею частью – просто на леса, но изредка курчавое зеленое полотно

разрывалось то лентой реки, то серебристым плесом далекого озера.

Каждый день они завершали ночлегом у какой-нибудь речушки – ручьи, годные только для водопоя, Середина не устраивали. Ежевечерне он купался – долго, старательно, с брызгами, нырянием и прочими наслаждениями. И всякий раз Беяна ужасно пугалась, страшила его навками, русалками и водяными, суетилась на берегу и всплескивала руками. И тем не менее, когда ведун выбирался на воздух, растираясь от влаги рубахой, его ждало какое-то простенькое, но сытное варево вроде кулеша, гречи с мясом или гороха с салом – что располагало Олега к молодой спутнице чуть ли не сильнее, нежели ее горячие губы и женская ненасытность. Так и подмывало спросить: что случилось с мужем? Нечто кто-то и с ней силу потерять ухитрился? Но бередить эту рану Середин не рискнул.

Чалово открылось перед путниками только на восьмой день. Деревня раскинулась в трех верстах от тракта и имела размеры крупного города: с полверсты в окружности, аккуратно на изгибе широкой, не меньше двадцати сажен, реки. Правда, дворы отстояли друг от друга на таком расстоянии, что и не докричишься, а потому, несмотря на размеры, жителей тут вряд ли набиралось больше сотни душ. Черные пухлые крыши из дранки на избах и сараях, стоящие на отшибах овины, приземистые, полувкопанные в землю баньки; на двадцать дворов всего пять печных труб – остальные дома,

стало быть, топились по-черному. В общем, все как всегда. Хотя, конечно, бросилось в глаза почти полное отсутствие детей у колодцев и в проулках. Бегали наперегонки с пяток пострелят – и все. Для такой большой деревни ничто.

– На стороне прижили, знамо дело, – моментом угадала мысль ведуна Беяна. – Да рази кто признается?

– А мужья что говорят?

– Дык чего скажешь, коли сам, что холостой мерин? Хоть какое продолжение в роду получается, и за то Триглаве поклон. Без детей дом мертв. Коли детей нет, так чего ради добро наживать? За Калинов мост с собой ведь не унесешь. Ой, чегой-то отрез мой с подсолнухами желтый совсем, – вскинула ладонь к глазам женщина. – Видать, как ушла, так ни единого дождя и не случилось. Ты дождь вызывать умеешь, ведун?

– Умею, – пожал плечами Олег.

– Ой, и куры, куры у оврага роются! Не ровен час, лиса выскочит. А обещали доглядывать, ровно за своим. – Беяна пустила коня рысью и, с трудом удерживаясь боком в седле, помчалась вперед.

Дом ее оказался почти в самом центре селения. Обычный, поставленный на тяжелые валуны пятистенок, примыкающий углами к двум сараям и амбару. Грядки загораживал украшенный десятком крынок плетень, в хлеву жадно хрюкали несколько будущих беконов, а добрых полсотни кур прочесывали крутой склон поросшего мелким кустарником

оврага. Судя по журчанию, по овражку струился ручей. Значит, к воде ходить до реки было вовсе не обязательно. Питьевую-то, понятное дело, все только из колодца берут. А вот белье прополоскать, помыть что-нибудь большое – тут не на-таскаешься, к воде идти нужно.

– И под калиткой, под калиткой опять разрыто все! – продолжала причитать Беяна. – Опять пустобрех Катькин к курятнику пролезть пытался. Дранка на амбаре разошлась, как бы не намокло там чего...

– Ну, ты разбирайся, а я коней после дороги почищу. – Ведун расстегнул подпруги, снял потники и седла прямо на лавку перед завалинкой, освободил заводных коней от скруток и тюков, нашел в чересседельной сумке скребницу и повел свой маленький табун к реке. Лошади, они ведь не машины, их до новой поездки не заглушишь. Хочешь кататься – сперва напои, потом вычисти, накорми. А уж тогда можешь и о себе позаботиться.

Только через час, спутав скакунам ноги и оставив их пасть за огородом Беяны, Олег вернулся к воротам своей спутницы и обнаружил тут целый сход местных красавиц. Возрастом на вид от двадцати и до сорока, все в теле, кроме одной бабенки в сером потрепанном сарафане и с мертвенно-бледным лицом. Все – с густыми русыми волосами и круглыми глазами навывкате. Сразу видно – один корень у всех, общий.

– Больно молод колдун твой, Беяна, – громко засомне-

валась одна из баб, такого размера, что сарафан ее вполне мог заменить попону крепкому работному коню. – Управится ли?

– При Вороне управлялся, – выскочив за калитку, приосанилась вдова. – Чего сама не пошла, коли такая умная? Вот и выбирала бы себе по нраву. Глядишь, и самого старца бы с места скovyрнула.

– Тебя как звать-то, добрый молодец? – поинтересовалась другая, смущенно теребя ленту в косе. Причем, судя по кокошнику, вполне себе замужняя селянка.

– Олегом-ведуном в народе прозвали. – Середин кинул на бледную бабу еще один взгляд и полез в сумку.

– Где поселиться-то думаешь, Олег? – кокетливо поинтересовалась еще одна селянка.

Ведун недоуменно вскинул голову, глянул на Беляну. Он был уверен, что этот вопрос решен уже давно.

– В нашей веси, – вступила в разговор четвертая женщина, волосы которой были уложены и спрятаны под платок, – у нас едва мужик к бабе под крышу перебирается, так и сила его враз тю-тю, опадает. Уж сколько раз по-всякому проверено, да итог един. Дома пустые есть, иные семьи убець с сего места успели. Помысли над сим, молодец, где тебе сподручнее будет. Сила, пока есть, она ведь и пригодиться может...

Часть селянок захихикала, часть зарделась. Олег вздохнул, протолкался к бледной женщине, протянул ей туесок с папоротниковым корнем:

– Заваривай по одной пряди в небольшом половнике. Прочитаешь хвалу Триглаве три раза, опосля с огня сними и дай остыть. Пей на ночь и перед едой незадолго. Через неделю кровь в жилы вернется, но ты все равно еще неделю пей... – Ведун протолкался обратно к своим вещам, недовольно мотнул головой: – Куда знахарь ваш смотрит? Разве можно колики так запускать?

– А нету знахаря, молодец, – ответила толстуха. – Сбежал. Как перестали мужики от зелья его выправляться, так и сбежал, поганец. И задавить не успели, бездельника косорукого. Ты в его избу вселиться можешь, коли хочется. Тебе там и удобнее будет, для знахарского дела все имеется. Меня Забавой родители назвали, коли еще не обмолвилась. Могу в хлопотах помочь.

– А меня Миленой, – спохватилась молодуха, все еще те-ребящая косу.

– Меня Муравой...

– Тихо вы, раскудахтались! – осадил баб селянка в платке. – Запугаете мужика, сбежит – и хлеба преломить не успеет. Пойдем, мил человек, я тебе избы пустые покажу. Опосля сам решишь, от кого нужда в помощи сильнее.

Олег опять стрельнул глазом в сторону Беляны. Та напряглась и, прикусив губу, молча ожидала конца спора.

– Нет.

– Что нет, мил человек? – не поняла селянка. – Мне и не надо ничего, я двоих родить успела. Я токмо покажу, где

поселиться можно.

– Нет, – твердо повторил Середин, хотя по спине у него при этом побежал неприятный холодок. – Я приехал вашу деревню от немоги избавить, а не пустым баловством развлекаться. Что я за ведун, если стану бояться болячки, с которой бороться собрался? Не будет никаких изб! У Беляны поселюсь, коли не прогонит.

– Ну и дурак! – в сердцах сплюнула Забава.

– Дурак не дурак, а хоть узнаем зараз, на что сей знахарь годится, – резонно заметила женщина в платке. – Ну что, Беляна, проверишь для нас добра молодца?

– Не знаю, право... – Вдова засмушалась, словно и не было у нее с ведуном предыдущих семи ночей. – Невместно с мужиком без обряда... Но коли общество грех сей простит.

– Да ладно, не виляй! – повысила голос толстуха. – Бо я и сама проверить могу. Общество потерпит.

– Коли надобно на сие пойти, – потупилась Беляна, – так ради покоя в веси нашей я согласна.

– Эх, лучше бы отказалась, – не удержался кто-то из толпы, и селянки расхохотались.

– Времени за полдень, а дело не движется! – недовольно покачал головой Олег и громко спросил: – Беляна, баня твоя где? Покажи, я протоплю покамест. Надо бы помыться с дороги. Но на этот раз со щелоком и без русалок.

Растопить баню – половина дела. Самое долгое и нудное – это натаскать воды во вмазанный в печку большущий мед-

ный котел и в бочку для холодной воды. Кинуть же горку щепок и подсунуть под них тонкий листик зажженной от кресала бересты – дело минутное. Поверх разгоревшейся щепы ведун набросал поленьев, после чего весь в задумчивости отправился к Беляне в избу.

Напасть, свалившаяся на деревню Чалово, показалась ему весьма странной. Болезнь, поражающая только и исключительно мужиков, причем избирательно – лишь решившихся на семейную жизнь, – больше всего походила на обычную порчу. Искать же порчу без освященного в православном храме крестика – занятие весьма нетривиальное. Увы, будучи вождем степняков, Олег мог позволить себе сковать саблю любимой формы и балансировки, мог отлить серебряный кистень, мог сделать любой доспех, какой только заблагорассудится. Но освятить крест – это все равно было выше его власти.

«Кто под крышу к женщине поселится, тот враз мужицкой силы лишится...» – вспомнилось ему, и Середин невольно поежился. Этакое наказание похуже смерти будет.

Но крест крестом, а дело ведунское исполнять нужно. Для начала хотя бы просто внимательно осмотреться. Пользуясь тем, что Беляна, громко ругаясь, наводила порядок в амбаре, Олег вошел в дом, прочитал наговор на снятие морока – и почти сразу увидел на печи длинного и сытого рохлю, похожего на лоснящуюся сытостью анаконду.

– Опаньки... – Рука сама собой полезла в петлю кистеня.

Хотя на извод нежити имелось немалое число заговоров, настоев и зелий, но в этот раз ведун решил проблемы не усложнять. Серебряное оружие действует на нежить даже смертоноснее, нежели стальное – на простых смертных. А если так, то...

Ведун коротко выдохнул, выбрасывая грузик змее в голову, и рохля, не успевший даже шелохнуться, стал распадаться, превращаясь в слабый сизоватый дымок. У нежити – и смерть неживая.

– Значит, рохля... – задумчиво пробормотал Олег. – Слишком просто, чтобы быть правдой.

Рохли среди нежити слывут самыми безобидными. Обычно они забираются в дом к семьям счастливым и зажиточным, прячутся в подполе или за печью – там, где их никто не побеспокоит, – и ведут свое полусонное существование, потихоньку вытягивая силы из владельцев избы. Если у человека вдруг беспричинно начало портиться настроение, если он чувствует слабость, быстро устает и не испытывает от былых удовольствий прежнего наслаждения, если весь мир кажется скучным и обыденным, все надоело и ничего не хочется – это оно самое и есть, первый признак. Рохля силу совет. Собирайся, колдун, в гости – ищи, где нежить затаилась.

Чаще всего жертвами рохлей становятся дети, превращаясь в капризных, хныкающих лентяев. Но с таким же успехом нежить может обратить свое внимание и на мужчину, высасывая его до состояния пустой оболочки. Такой, есте-

ственно, ни на жену, ни на работу больше не смотрит, хочет только есть и лежать. Странно, конечно, что женщин при этом никто не трогает. Но среди нежити бывают свои странности. Может, у здешних рохлей к бабам врожденное отвращение?

Избавившись от главной опасности, Олег внимательно и планомерно обшарил избу, благо пятистенок был небольшой, но больше ничего подозрительного не обнаружил.

– Крестик бы мне, крестик, – вздохнул он. – Крест любой поклад враз бы учуял. А так только на удачу полагаться придется.

Осмотрев жилище, ведун наскоро прошелся вокруг дома, отправился обратно в баню, подкинул в топку еще охапку дров. Те, сухие как порох, мгновенно занялись пламенем, исходя слабым сизым дымком, словно дохлый рохля. Внешние стены сложенной из обмазанных глиной камней печи еще оставались холодными – но в медном котле уже появились крупные пузыри. Пользуясь тем, что дым уходил через широкие щели под стрехой, Олег осмотрел и баньку, но здесь никаких следов нежити не обнаружил. Даже, как ни странно – банщика.

– Ведун, ты здесь? – Он узнал голос Беяны. – Раздевайся, дай порты и рубаху – постираю. До утра у печи высохнет, после бани чистое наденешь.

– Успеешь постирать-то?

– Здесь, стало быть? – Женщина нырнула в низкую баню. –

Отчего не успеть? Вон, тут еще не меньше часу прогорать. Как раз и хватит простирнуть да выполоскать. После холодной воды в баньку куда как приятнее заглянуть будет. Давай, давай, раздевайся! Нечто я тебя без портов не видела?

Олег смирился: отдал одежду, после чего плеснул теплой водой на верхний полок и забрался на него, благо от полукрытого очага тепло уже успело расползтись по крохотному помещению. В тепле он расслабился и даже задремал. Проснулся ведун от прикосновений теплых губ к своей шее.

– Кто это? – тихо поинтересовался он. В здешнем селении он был готов уже ко всему что угодно.

– Я это, ведун, я, – отозвалась Беяна. – Иди ко мне... Может статься, последний раз милуемся.

– Это почему?

– Коли вечером и правда ко мне в дом войдешь, так и на тебя беда общая падет.

– Электрическая сила! – аж подпрыгнул на месте Олег. – Каркают и каркают, каркают и каркают! После таких уговоров любой бык-производитель импотентом станет!

– Кем? – не поняла женщина.

– Фараоном Египта, – огрызнулся Середин, не желая вдаваться в подробности. – В доме все у нас ноне будет, честь по чести! Со мной вашей порчи не будет.

– Как знаешь, ведун. – Селянка отступила и принялась затыкать мешковиной щели под стрехой. – Спинку-то хоть потрешь, али вовсе теперь касаться не желаешь?

– Потру, – не стал отказываться Олег и отставил принесенную Беляной восковую свечу в угол полка, чтобы водой не залить.

– У-у-ух! – опрокинула на себя половину бадейки женщина, поелозила мочалкой в небольшом корце с пенным щелоком, протянула Середину: – Тогда три.

Легко было сказать: «Все в доме, да честь по чести!» Куда труднее убедить в этом собственную плоть, когда рядом, в жарко натопленной бане, находится красивое обнаженное тело, жемчужно сверкающее от капель воды. Кто говорил, что плоть слаба? Порою она с легкостью побеждает самые крепкие обеты и самые твердые решения. Причем два раза подряд.

Добившись своего, удовлетворенная Беяна придвинула зольный щелок к ведуну, сама же в другом ковшике развела горсть горчицы и принялась намывать ею волосы. Часть воды выплеснулась на камни, и в воздухе едко запахло шашлыком. Тонкие дымки заплясали над печью, словно корчащие ехидные рожи бесенята.

– Пшли вон, – не удержался Олег, метнул в них целый корец кипятка и закатился на верхний полок, в самый-самый жар.

Когда потом вышибло все жировые пробки, а поры расширились до самой последней морщинки, он скатился вниз, обтерся мочалкой со щелоком, выплеснул на себя две бадьи горячей воды, открыл дверь, пулей промчался до реки, ух-

нулся в черную воду, стремительными саженками проплыл до того берега и обратно, забежал опять в баню, черпнул полными горстями воды, плеснул на камни и снова прыгнул на полок.

– Это ты зря, ведун, – посетовала женщина. – Наши русалки злые. В иных местах, сказывают, за своим гребешком токмо ходят да просят. А наша порой и за чужое добро извести готова. Варварину сыну когтями след на ноге оставила, до зимы не заживало. Забаву, когда белье та полоскала, за руку ухватила да с мостков сбросила, чуть не утопила. И тоже след от когтей остался. И иных хватала, коли в реку заходили. Гляди, и тебя схватить может. Что делать станешь?

– Так русалке от мужика завсегда одно надобно, – рассмеялся Олег. – Хоть злая, хоть добрая, все еди...

Договорить он не успел, поскольку селянка окатила его бадьей ледяной воды из бочки:

– Ишь, охальник, речи каковы ведет! Нечто сам не блажится, что кот на сметану. Обмывайся давай, да пошли. Темнеет ужо, хозяину баню оставь, ему с малым народцем тоже погреться хочется. Спускайся, потру и я тебе спину. Это не страшно, не бойся.

Одежды у Середина уже не было, и через полдеревни пришлось шагать, обмотав чресла широким льняным полотенцем, поверх которого ведун опоясался саблей – не мог же он оставить оружие в чужом доме! Зрелище, наверное, было достойным запечатления в легендах и сказаниях – но, к сча-

стью, тропинки и завалинки Чалова успели опустеть. Жители разбрелись по избам, что уже засветились окнами, затянутыми желтыми бычьими пузырями. Окно Беляниного дома тоже светилось – селянка оставила в масляной лампе слабый огонек.

Длинной лучиной женщина вытянула фитиль на длину в полпальца, отчего язык пламени вырос сразу на несколько сантиметров, лучиной же запалила второй фитилек. Изба наполнилась светом. Хозяйка пощупала одежду, развешанную над еще горячей, хотя и прогоревшей печью, кивнула:

– К рассвету поди досохнет. А дотоле она и ни к чему. – Затушив лучину, женщина повернулась к гостю: – Забирайся на полати, там постелила. Так что скажешь, добрый молодец, действует на тебя обчая немочь, али можешь силу показать.

– Имей совесть, только что из бани! – взмолился Олег. – Давай передохнем хоть немного.

– Мой муж, светлая ему память, как пред Сварогом клятву принесли, так два года и «передыхал», – тяжело вздохнула селянка. – Ан и ты туда же.

– Да от таких намеков кто угодно в себе уверенность потеряет, – пробормотал Середин.

Слова Беляны вернули ему осторожность, и молодой человек, нашептав наговор от морока, забрал у хозяйки лучину, зажег, прошелся по дому – и не без удивления обнаружил за печью молоденькую тощую змею. Та попыталась нырнуть в подпол – но рохля есть рохля, пусть и молодой. Ведун

успел пристукнуть нежить раньше, чем она скрылась в трещине пола.

– Однако... Не успел одного извести, уже новый родился. Быстро они... Слишком быстро для обычной нежити.

– Ты о чем, знахарь?

– Ни о чем, – задул лучину Олег и скинул полотенце. – Чего еще в темноте делать, как не в постели баловаться? Иди, проверь.

Беяна рассмеялась, задула лампы с бараньим жиром, и только по шороху в темноте Олег догадался, что она поднимается наверх. А потом – и по ее прикосновениям. Наигравшись, молодые люди заснули, и новую «проверку» Олегу пришлось выдержать, когда окна осветились ранними утренними лучами.

Спустившись с полатей к уже остывшей печи, ведун сдернул с веревки и натянул порты, вышел на крыльцо, сладко потягиваясь, – и тут же шарахнулся назад. Во дворе обнаружилось больше десятка женщин, выжидательно смотрящих на дверь.

– Что у вас тут за обычай такой? – выглядывая наружу через щель приоткрытой створки, Середин торопливо оделся, положив саблю и кистень рядом с собою, на стол.

– А что? – Беяна в одной исподней рубаше распахнула дверь, вышла на крыльцо, сладко потянулась: – Что за сладкая ночь у меня была, бабоньки, вы даже не представляете!..

Ведун, приведя себя в порядок, выглянул следом – но во

дворе было уже пусто...

– Поснедать чего хочется, знахарь, – зевнула селянка, – али сразу делом займешься?

– Хочется, – кратко ответил ведун.

Он привычно нашептал защиту от морака, прошел по пятистенку, ничего не заметил, спустился в подпол... И опять прибил молоденького рохлю! Создавалось ощущение, что дома для них тут просто медом намазаны. По трое за сутки... Столько нежити просто не родится! Середин громко спросил:

– Белян, а озера чистые, заводи, пруды у вас поблизости есть?

– Озера? – лупоглазо хлопнула та ресницами. – Старица есть верстой выше по течению. Подойдет?

– Смотреть нужно. Иначе не скажу.

Ведун начал понимать, что при таком засилье нежити просто истреблением попавшихся на глаза тварей не обойтись. Отвадить колдовских созданий от человеческого жилья можно только наговорами и надежными зельями, что настаиваются на одолень-траве – получившей свое название как раз благодаря способности отпугивать любую нечисть. Растет этот чудесный цветок лишь на чистых и открытых участках воды, своей красотой и силой распуская навок, болотниц, крикс и разгоняя болотную грязь. И столь он красив, что русалки многие, прячась от людских взглядов, на день превращаются в одолень-траву, дабы после заката снова об-

рести свой облик. Ничто и никогда в этом мире не дается просто так. Отличить спасительный цветок от спрятавшейся русалки – главная трудность для знахаря. Ошибешься – после заката изуродованная русалка придет к неудачнику забрать оторванное и отомстить за причиненную боль. То, что простому смертному обычным цветком привидится – у нее может оказаться рукой, волосами, а то и головой. То-то потом ночью будет приключение – с головой в кувшине и скребущей безглавой гостьей за окном!

Старица, как оказалось, находилась по другую сторону реки, носящей почти то же имя, что и деревня – Чалая. Лодок, как ни странно, ни у кого из жителей не имелось. Понятно, что глубина в омуте возле бань – по шею, а в иных местах и вовсе по пояс, и через реку лежали сразу три галечных брода, но все равно – странно.

Засучив штаны чуть выше колен, Олег перешел реку, свернул вверх по течению по узкой, почти заросшей тропинке и уже через полчаса вышел к ручейку, струящемуся между черными вековыми елями. Старица была проточной – и это радовало. Стоячая вода ни русалкам, ни русалочьему цветку не нравится. Удивляло то, что несмотря на близость деревни, в лесу вокруг стояли крупные сухостоины, валялось невероятное количество валежника и хвороста. Создавалось впечатление, что в лес по эту сторону реки местные жители не ходили вовсе. И тем удивительнее было обнаружить возле старицы ухоженную песчаную прогалину, от которой ку-

да-то в чащобу убегала узкая тропинка. Судя по тому, что окаймляющие пляжик кусты были не поломаны-потоптаны, а аккуратно подрезаны – спуск к воде расчищали заботливые руки, а не звериные копыта и клыки.

Впрочем, сейчас ведуну было не до решения загадок – работы знахарской впереди предстояло преизрядно, за день и не справишься.

Раздевшись, он повесил на запястье серебряный кистень, ступил в воду – и резко оглянулся, ощутив шевеление за спиной. Однако на пляже было пусто, и даже листики на кустах ни один не колыхался. Олег поколебался – но решил не рисковать, поднял с одежды саблю, затянул ремень потуже и повесил оружие на бок через шею и плечо. Все остальное, коли и пропадет, не жалко. Запасное есть.

Ведун снова вошел в воду, осторожно опустил кистень рядом с собой. Подождал. Ссоры со здешней нежитью он не искал, а потому давал ей время отступить подальше от ненавистного металла. Левой рукой начертил на воде полукруг и проткнул его пальцем, показывая здешним обитателям, что он для них не чужак и договор с водяным имеет. Спустя несколько минут продвинулся в воду по грудь.

Чистая проточная старица оказалась прогрета настолько хорошо, что молодой человек даже не ощутил различия между летним воздухом и влагой. Медленно ступая, он подкрался к ближайшим листьям одолень-травы, внимательно их осмотрел, провел вокруг кистенем. Русалка, даже обратив-

шись, серебра все равно убоится, попытается в сторону отплыть. К тому же настоящий цветок не может быть идеальным – на нем всегда хоть какая-то червоточинка имеется, жучки бегают, лепестки не все ровные. Нежить же превращается в бутоны красоты безупречной. И живности на них не бывает – не живут букашки на мертвечине, нечего им на ней делать.

Выбранный Серединым цветок серебра не испугался – но показался слишком красивым, и ведун двинулся дальше, осматривая бутон за бутоном, пока не отобрал с десятков явственно живых: с паутинками и жучками, отдельными жухлыми или мятыми лепестками, а один и вовсе покусанный каким-то голодным речным обитателем. Повернув обратно, он не без удивления заметил усевшуюся прямо на одежду очаровательную девушку с белой кожей, большими черными глазами и длинными распущенными волосами. Незнакомка с грустью оглаживала влажные пряди, вздыхала. Увидев Середина, приподнялась, с надеждой спросила:

– Нет ли у тебя гребня, добрый человек? Совсем волосы спутались, а расчесать нечем. Подари гребешок, отблагодарю, чем токмо ни пожелаешь...

– Расчески нет, – улыбнулся Олег. – Букет есть красивый. Аккурат для тебя.

Он протянул девушке цветы – но та вместо благодарности зло зашипела, кинулась в сторону, сминая ветки ивы, и громко плюхнулась между зелеными листьями кубышки.

– Интересно, как они в воде жить ухитряются, если так одолень-травы боятся? – хмыкнул Середин и стал одеваться.

Трудная работа предусматривает тщательную подготовку. Воду для зелья он собрал, памятуя заветы богини земли Триглавы: из семи разных источников с разных сторон света. Тремя источниками стали колодцы, еще двумя – родники. Один из них обнаружился в овраге, другой – ниже деревни у самого берега. Шестым источником стала река, а за седьмым ему пришлось сходить в лес, к Тихой вязи – болоту уже заросшему, но еще чавкающему влагой. Только так, согласно урокам Ворона, из семи разных источников можно собрать всю силу местной земли, вбираемую текучими водами. Ибо, если чего-то не хватает в одном, то обязательно окажется во втором или третьем. А чего нет в шестом или седьмом – то наверняка имеется в первых. Воду Олег слил в одну бочку, как положено, через скрещенные ножи, рушащие любые наложенные заклятия. И только потом, в зеркально чистую, свободную от любых наговоров воду опустил добытые в старице цветы:

– Выйду я из поля в поле, в зеленые луга, в дольные места, по утренним и вечерним зорям; умоюсь медяною росой, обсушусь жарким Ярилом, облекусь облаками, опояшусь звездами. И пойду я во чистом поле, а во чистом поле одолень-трава... – старательно помешивая воду, наговорил он заветные слова. – Одолень-трава! Одолей ты мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса дрему-

чие, прогони за них живого и мертвого, прогони жадного и завистливого, прогони голодного и злого, прогони ненасытного и дурноглазого, огради от колдуна и от колдунницы, от ведуна и от ведунницы, от чернеца и от черницы, от вдовы и от вдовицы, от черного, от белого, от русого, от двоезубого и от троезубого, от одноглазого и от красноглазого, от косоного, от слепого, от всякого ворога по всякий час, по всякий день, по утру рано, по вечеру поздно, в младе месяце, в полноте и в ущербе, на век, в перекрой, в час, получас и во веки веков. Не пусти чужого незваного, не пусти людьми нерожденного, не пусти ни слова, ни взгляда, ни всякого дела. Воля моя крепка, слово мое лепко, заговор мой булат. Отдай свою силу земной воде, одолень-трава. Где она ляжет, там и слову быть, а где ты ляжешь, там быть покою... – И ведун утверждающе выдохнул: – Аминь!

– И что теперь будет? – шепотом поинтересовалась Беляна, наблюдавшая за всей процедурой с безопасного расстояния.

– Теперь, – ведун осторожно вынул увядшие цветы, – теперь это мы закопаем перед порогом твоей калитки, чтобы никакая нежить и ведьма перешагнуть не смогла, водой же с заговором на изгнание нечисти придется по дому пройти и каждый угол опрыскать. А потом то же самое проделать с каждым домом в вашей деревне.

– Когда же ты это успеешь? Вечереет уже!

Олег и не заметил, как за хлопотами с поиском заветного

цветка и сбором воды из семи источников ушел весь день от рассвета и до заката.

– Ничего, я воду в Соломонову звезду запру. От лунного света зелье только крепче станет. – Ведун быстро начертал на земле два разнонаправленных треугольника, подкрепив магический знак живой и мертвой рунами. – Вот и все. Теперь будем ждать рассвета. Милостью Сварога покончим завтра с вашей бедой раз и навсегда.

Увы, свои силы ведун сильно переоценил. В каждом доме ему в первую очередь приходилось отлавливать и уничтожать местного рохлю, только после этого делать наговор на защиту жилья от нежити и опрыскивать настоем одолень-травы. Все это требовало времени, больше часа на каждую избу. И пока Олег обошел всю деревню – ушел не день, а полных два, причем последнее жилище он вычищал уже на третьи сутки.

Насколько помогло его средство, видно стало сразу: начиная со второго дня все встречные мужики и бабы Чалова стали кланяться ему в пояс, ровно именитому князю, Беяне же на двор люди понесли всякого рода подарки. Женщина расцвела от гордости, ходила не иначе как в алом расшитом сарафане, в яркой сороке и красных сапожках, и просто светилась изнутри, то и дело удивляясь своему постояльцу:

– Отчего озабоченным ходишь, знахарь? Лепко дело твое сладилось. Бабы все довольны, мужики зашевелились, и даже Снежка чахнуть перестала, как зелье твое пьет.

– Управиться с бедой дело несложное, – качал головой Олег. – Трудно ее обратно не пропустить.

С утра он успел заметить и уничтожить двух нежитей в этом самом дворе. Ведун знал, что рохли вне дома никогда не живут – но тем не менее один оказался в амбаре, а другой притаился в курятнике! В своих заговорах он был уверен – все дома деревни от колдовских тварей защищены надежно, ближайшие два-три года в избах опасаться нечего. Но дворы, дворы. Если нежить расплодится там, она опять изживет мужиков: станет сосать их силы, когда те выходят из дома. А отсиживаться в четырех стенах невозможно.

Для отпугивания рохлей по дворам, сараям, баням и овинам можно, конечно, разложить полынь и можжевельник. Но средство это уже отнюдь не столь надежно, как одолень-трава, да и не напасешься заговоров на каждый уголок. А самое неприятное – для приготовления изгоняющего зелья нельзя дважды брать воду из одного и того же источника. Найти вокруг деревни семь новых, еще нетронутых родников было нереально.

– Ты посмотри, Олег, какой платок цветастый мне Снежка принесла! Посмотри на меня, нечто не нравлюсь? – Беяна накинула платок на плечи, стремительно закружилась по двору, да так, что юбки взметнулись чуть не до пояса.

– Отчего вы за реку не ходите, красавица? – задумчиво поинтересовался Олег. – Брод же глубиною по колено всего.

– А почто? – резко остановилась селянка, отчего юбка

хлестко ударила ее по бедрам и только после этого опала вниз. – Дров и по эту сторону в лесу хватает, грибов любой вдосталь нарезать может и ягод набрать.

– За реку ближе.

– Ближе, да не удобнее. Дурная в реке вода, водяной шалит, русалки злые. К чему погибель себе напрасную искать? А ты к чему сии речи ведешь, знахарь?

– Уж слишком рьяно нежить на ваши огороды лезет. Такое чувство, будто насылает кто.

– Нет за рекой никого, – пожалала плечами Беяна. – Волхв, Горислав старый, за Смородину ушел. Ефиминка и вовсе без следа сгинула. Отчего ты решил, что оттуда порча приходит?

– Не решил. Текучая вода любое колдовство останавливает. Так что из-за реки проклятия насылать невозможно... Эх, креста у меня нет, крестика любимого! С ним куда как проще все получалось. Поискать нужно, вокруг походить. Может, взгляд куда и упадет.

– Тебе с пониэю больше нравится, али с кокошником? – уже опять отвлеклась на подарки женщина. – Смотри, какая цветастая, бисерная. Ты на меня совсем не смотришь, злыдень!

– Смотрю, Беяна, смотрю, – тряхнул головой Середин. – Красивая ты, самая что ни на есть красивая. И в сороке красивая, и кокошнике, и с пониэю и с кольцами височными, и в сарафане, а еще пуще без сарафана ты прекрасна, Беянушка! Нет никого в этих землях, кто бы красивее тебя был.

Ни на кого тебя не променяю!

– Правда? – зарделась селянка, крутанулась еще раз и закинула ему руки за шею. – Ни на кого?

– Именем Свароговым клянусь! – Олег вытянул косарь, поцеловал лезвие и вогнал его обратно в ножны: – Клинок острый тому порукой.

– Мне еще никто в верности на клинке не клялся, – облизнула губы женщина. – Даже муж.

– Я же не под венцом. Чем мне еще клясться?

– Иди же, иди ко мне! – схватив за руку, Беяна потащила его в дом. – Ты никогда в жизни не пожалеешь об этой клятве!

– В жизни? – насторожился ведун. – Ты о чем?

Середин пообещал женщине быть верным совершенно искренне. Он не собирался позорить селянку, приютившую его под своей крышей, бегая от нее к кому-то еще, обманывая, хитря. Все вокруг должны знать, что нет в Беляне недостатков, что нечего ее кавалеру искать в других девках и хозяйках. Выбрал – значит, выбрал. Но простое обещание не обманывать, похоже, вызвало у Беляны какие-то совсем неправильные ассоциации.

– Иди же ко мне, иди! – Момент для выяснения деталей был явно не самым подходящим. И Олег отложил разговоры на потом.

После обеда ведун все же вернулся к возникшим поутру подозрениям, собрался и, перейдя реку, по ручью добрался

до старицы, притаился в кустарнике. Вода была тихой и спокойной – к окруженному ивами и осиной узкому длинному водоему не пробирался ни единый ветерок. В кронах жизне-радостно пересвистывались пичуги, туда-сюда носились ласточки, отлавливая неосторожную мошкарку, потрескивали прозрачными крыльями стрекозы, охотясь на мушек помельче. Пахло здесь не гнилью и болотом, а мятной свежестью, россыпи белоснежных бутонов, словно фата, накрывали поверхность воды от берега и до берега.

– А ведь на реке одолень-травы нету, вообще не растет, – припомнил Середин. – Тут что, заповедник? Специально там, где смертные не ходят. Но если не люди и не звери, тогда кто?

Примерно с полчаса он слушал и приглядывался – но так и не заметил ничего подозрительного. Ни плесков, ни шорохов, ни колыхания листьев и камышей. Давешняя водяная дева тоже никак себя не проявляла. Видать, отправилась искать гребешок в другом месте.

– Зря, – шепотом посетовал ведун. – Я ведь один прихватил. На всякий случай.

Он переправил серебряный кистень из-за пояса в рукав, осторожно выбрался на знакомый пляж и, мягко ступая по песку, углубился по тропинке в лес. Двигался Середин не спеша, приюхиваясь и оглядываясь по сторонам. На тропе, по которой не ходят местные жители, вполне могут оказаться капканы, настоженные специально на чужаков, сунув-

шихся в запретное место. Однако ни петель, ни натянутых в траве жилок самострелов, ни согнутых в дугу упругих кле-нов он так и не встретил. Вместо них на пути попало с де-сяток гадюк и ярких медянок. Змеи сворачивались в клуб-ки и шипели, не торопясь уступать дорогу, но противостоять ножнам сабли не могли, и одна за другой были отброшены в сторону.

Примерно через полверсты тропинка пошла вверх, на мохнатый от молодого ельника пологий взгорок. Ведун про-тиснулся между деревьями, едва-едва превышающими его высотой, и внезапно оказался перед плотно сбитым, опле-тенным хмелем частоколом.

– Вот это да... – Середин опять замер, прислушиваясь, вы-ронил из рукава кистень, пряча его обратно в поясную сум-ку, положил руку на рукоять сабли. Вблизи заборов и тынов в первую очередь следовало опасаться людей, а не нежити. Однако и здесь он не услышал ничего, кроме птичьей разно-голосицы.

Ведун стал пробираться вдоль стены, отводя от лица смо-листые еловые лапы, и уже через десять шагов оказался пе-ред крепко запертыми и надежно заплетенными хмелем во-ротами. Возможно, на этом бы Олег и успокоился, в чужие владения не полез – но в щель между тыном и створками он углядел низкого пузатого идола, страшно похожего на Чура, и понял, что попал к святилищу. Святое же место должно быть открыто для всех!

Ведун вынул косарь, распорол побеги, связывающие ворота, и потянул обрывки растений на себя. Послышался низкий басистый скрип, и створки с неожиданной легкостью разошлись в стороны.

Внутри царило полное запустение. Во многих местах уже вытянулись высоко к небу березки и ольха, земля шелестела желтыми колосьями, на некоторых идолах уродливыми шапками возвышались вороны гнезда, другие были заплетены паутиной или покрылись мхом.

– Ничего удивительного, что в Чалове столько нежити завелось, – пробормотал Середин. – Коли они святилище свое забросили, так и боги, вестимо, от них отвернулись. Как же так получилось-то?

Храм не носил никаких следов разрушения или наказания идолов, надругательства чужаков или проклятия иноверцев. На месте оставались алтари, следы украшений, догнивали корзины с подарками, поблескивал из-под пыли бисер былых украшений. Все выглядело так, словно как-то вечером, вознеся Срече положенные молитвы, люди закрыли ворота святилища – и больше уже никогда сюда не вернулись.

Ломая ногами спелые колосья травы, Олег подступил к центральному идолу, поклонился ему в пояс:

– Приветствую тебя, Сварог, прародитель корня русского, созидатель мира и небес наших.

Затем с помощью косаря расчистил пространство вокруг идола, утоптал траву, убрал застарелые дары, превративши-

еся в нечто серое, сухое и невесомое. Пошел по святилищу дальше, к задней стене, где обычно и ставили памятник его покровительнице.

– Приветствую тебя, Мара, прекраснейшая из богинь. Поверь, твое имя постоянно в моем сердце, и каждый день я возношу молитвы твоей красоте...

Он не менее старательно, чем ранее, очистил место перед истуканом ледяной богини, отер его руками, почтительно склонил голову, опустившись на колено. Затем торопливо вышел, отыскал солнечную поляну, набрал там самых красивых цветов, сделал два букета и вернулся в храм. Тот, что скромнее, возложил к ногам Сварога, а более пышный поставил перед Марой, еще раз выразив свое почтение. Ведь богам важна не ценность подарка. Им нужно, чтобы о них помнили и через молитву отдавали часть своей душевной силы.

Исполнив долг, ведун собрался было уходить – как вдруг заметил возле левой стены святилища прогалину, подошел ближе и... И увидел поставленный поверх круглого воинского щита свежий букет незабудок и глиняную чашу с чуть розоватым напитком. Чьи-то заботливые руки не только оставили Похвисту подношение, но и сохранили идола в чистоте, окропили чем-то его губы, а траву на несколько шагов вокруг выкосили еще весной, а потому здесь не было пожелтелых колосьев. Только клевер, ромашки и низкая травка. Но самое удивительное – к этой прогалине перед богом не вело никаких троп, словно таинственный почитатель возникал

перед идолом из воздуха и так же неведомо исчезал.

– И ты славься, бог непогоды, – поклонился Середин, отступил, вернулся к выходу и, раз уж никому более сие святилище было не нужно, затворил ворота, смотав длинные концы стеблей хмеля.

В этот момент ему и послышалось что-то, похожее на тихий смешок, он явственно ощутил на спине чей-то взгляд. Ведун постарался внешне никак не выдать своего подозрения, но, отойдя от святилища, стал пробираться через ели в направлении звука. Едва выйдя под кроны осин, краем глаза увидел движение в стороне и пошел туда, забирая правее, чтобы отрезать неведомому существу путь в самую чащобу, выпугнуть его на светлую поляну, пусть и к ельнику.

Между тем существо успешно отступало: Олег время от времени слышал, как под ногой неведомого противника то шуршала опавшая листва, то похрустывала веточка, то шелестели листья на задетой ветке. Поняв, что их разделяют считанные шаги, ведун рванулся вперед, уже не таясь, ломая низкие сухие ветки берез и осин, продираясь через кусты, раскидывая листву, бегом вырвался на залитую солнцем поляну меж двух вековых лип... И едва не осел от грозного рева: прямо на него от близкого малинника сделал несколько прыжков оскалившийся громадный медведь.

Сердце Олега от неожиданности ухнулось вниз, живот скрутило холодным ужасом, но рука привычно выдернула саблю и нарисовала ею в воздухе сверкающий полукруг.

Медведь притормозил, поднялся на задние лапы, оказавшись выше Середина в полтора раза, и снова заревел – да так, что затряслись даже древние липы, а с деревьев помельче посыпалась листва.

– Стану не благословясь, пойду не перекрестясь, из избы не дверьми, из двора не воротами, а окладным бревном. Пойду в чисто поле под западную сторону, – торопливо забормотал ведун. – Под западной стороной стоит столб смоляной. Из-под этого столба течет речка смоляна. По этой речке плывет сруб соленый. В этом срубе сидит чернец и чернуха, водяной и домовый, и колдун неживой. Уплывай, сруб соляной, уноси с собой дар колдовской. И проклятие, и порок, и сглаз, и морок...

Середин даже головой тряхнул, пытаясь снять наваждение, – но медведь все равно оставался медведем. Это был отнюдь не морок. Это был самый настоящий зверь с длинными желтыми клыками, когтистыми лапами и капающей из пасти тягучей вонючей слюной.

«Отбегался герой», – сглотнул ведун, прикинув, что можно сделать его сабелькой против полутонной туши. Можно распороть брюхо – и часа через два медведь сдохнет. Но его перед этим наверняка задавит. Можно попытаться вогнать клинок меж ребер. Если повезет – даже угадать в сердце. Но для этого придется подойти в упор, а один удар медвежьей лапы запросто переломает ему хребет и вспорот кожу до самого живота. Еще можно попытаться убежать. Но для чело-

века не было никаких шансов удрать от мишки косолапого, и если уж предстояло погибать – Олег предпочитал умереть в схватке, а не драпая, словно шкодливая дворняжка.

Медведю же тем временем надоело стоять на задних лапах, и он тяжело плюхнулся вниз, мгновенно оказавшись головой уже не выше, а ниже человека. Середин сообразил, что хороший удар саблей по звериному затылку сможет разом решить все проблемы, и попытался подкрасться ближе – но мохнатый хозяин леса предупредительно зарычал, разом выдув дурные мысли у ведуна из головы. Олег вообще все делал неправильно: смотрел медведю в глаза, хотя и помнил, что такой взгляд звери принимают за вызов, не пытался незаметно скрыться или прикинуться мертвым. Топтыгин тоже не торопился задрать упитанного человечка, а все рычал и приминал траву, раскачиваясь с боку на бок и глядя на врага снизу вверх.

Олег последовал его примеру, тоже покачался из стороны в сторону и расставил шире ноги, принимая более удобную для схватки позу. Правда, при этом ему показалась, что самое ровное и устойчивое место находится парой шагов позади. Медведь опять грозно рыкнул, чуть приподнялся, махнул лапой, чиркнув ею воздух на безопасном расстоянии от клинка, опустил обратно на четыре лапы. Ведун отступил еще на шаг, решительно, с посвистом, рубанул воздух и опять отступил. Зверь склонил голову набок, коротко, по-собачьи, тьякнул. Середин отступил еще, не отрывая от него

взгляд и не опуская клинка. Подумал и сделал еще пару шагов назад. Медведь поднялся на задние лапы, торжествующе заревел – и вдруг потрусил прочь, к зарослям малины, мужественно спасенным от чужого вторжения.

Ведун перевел дух и вдруг понял, что стоит совершенно мокрый, словно после купания. Пот прошиб его так, что крупные капельки скатывались с волос и падали на землю.

– Кажется, на сегодня хватит, – пробормотал он, спрятал клинок и отступил в противоположную сторону.

Быстрым шагом выйдя к реке, Олег долго отмывал лицо холодной проточной водой.

– И чего меня туда понесло? Все же знают, что ни одна магия преодолеть текучей воды не в силах. Если откуда порча и идет, то со своего берега.

Уже переодеваясь, ведун поинтересовался у Беяны:

– Скажи-ка, что за святилище стоит за рекой напротив деревни?

– Святилище? – Женщина надолго задумалась, пожала плечами: – Было там святилище. Но как Горислав умер, волхв наш, не слышно про него более.

– Как так не слышно? – не понял Олег. – Как же вы молитвы возносите, богов почитаете, дары им приносите, коли о святилище забыли?

– Что проку от богов, знахарь? Как болезнь по веси пошла, нечто они пользу нам какую принесли? Помогли, защитили? Что проку молиться, когда пользы от этого никакой нет?

– Родителей своих вы тоже вспоминаете лишь тогда, когда польза от них есть? – угрюмо поинтересовался ведун. – И подарки им дарите, токмо когда пользу ответную получить можете?

– Так то ж отец с матерью... – неуверенно возразила Беляна.

– А это кто? Кто мы все, как не внуки Свароговы, не дети Триглавы, ею рожденные, Хорсом выращенные? Это ты уже забыла? Боги наши – это не просто покровители, это память наша родовая. Знание того, откуда корень наш, по какому праву этими лугами и лесами владеем, того, кто предки наши, в чем величие нашего прошлого и долг перед будущим. Память о том, кто искру жизни нашей создал, кто душу вложил в тела наши. Кто забыл, от каких корней предки вышли, тот уже не плоть от земли нашей, а так, бродяга без роду и племени, без опоры твердой в душе и памяти. Кто про бога забыл, про дары и заветы его, тот и от души своей отказался. Ибо не может признать в себе душу тот, кто не признает бога. А коли нет в тебе души – чем ты от скотины простой отличен? Животное о двух ногах, и ничего более.

– Никто не ходит туда, знахарь! Почто меня попрекаешь?! Мне что, больше всех надо? – огрызнулась селянка.

– Я не попрекаю. Я узнать хочу, отчего богам у вас поклоняться перестали?

– Мужики квелые, бабы русалок боятся, волхв сгинул. Кому ходить? – разом выплеснула все Беляна. – Нет нужды –

вот ходить и перестали.

– Свято место пусто не бывает, – повторил банальную истину Олег. – Когда перестаешь молиться богу, его место тут же занимает нечисть.

– Ты ведун? Стало быть, гони.

– Гоню... – Переодевшийся в сухое Середин опоясался саблей. – К сумеркам вернусь.

И он отправился в обход по деревне, выискивая нежить, что раз за разом заводилась во всех потаенных местах, где можно без опаски пересидеть шумное дневное время: под стрехами, в стогах и на сеновалах, у овинов и под банями. В деревне, забывшей родовое святилище, этих тварей каждый день нарождалось с избытком. Идти на землю, не защищенную молитвами, заговорами и покровительством богов, им было легко. Но все равно оставался вопрос: откуда они с таким азартом рвались в это селение. Кто порождал такое количество рохлей и посылал их сюда. Пока не найдется гнездо – здешним людям покоя не обрести.

С рассветом ведун опять отправился на поиски. На этот раз – вдоль реки. Вчерашняя встреча оставила у него в памяти весьма глубокую зарубину, а потому теперь, отправляясь в незнакомое место, Олег накинул на себя кожаный поддоспешник и пластинчатую броню, порвать которую не под силу ни клыкам, ни когтям любого зверя. А чтобы не сверкать полированной сталью – набросил на плечи найденный в амбаре старый долгополый кафтан из грубого полотна. До обе-

да он крался у самой воды, заглядывая во все темные ому-ты и берлоги под поваленными деревьями, но ничего инте-ресного не заметил и повернул назад. Новым днем пошел уже вниз по течению. Ничего похожего на рассадник нежити Олег опять не обнаружил, зато наткнулся на выход масляни-стой голубой глины, толстым слоем выпирающей из-под пес-чаного холма. Открытие пришлось «на руку»: набрав пол-ный подол кафтана, Середин принес глину домой и вечером, уже после ужина, посвятил два часа выкладыванию мелкой гальки и валунов по верху дымохода. Печка подросла сразу сантиметров на двадцать, и он прикинул, что через неделю сможет вывести трубу наружу, над кровлей, навсегда изба-вив хозяйку от копоты в избе.

Еще четыре дня он посвятил поискам в окрестных лесах – опять безуспешным, на пятый – снова перешел реку, пошарил у воды на том берегу, принес Маре бисерную понизь, од-ну из подаренных благодарными деревенскими женщинами, алтарь Сварога украсил большим букетом цветов. Но ниче-го подозрительного и там не заметил, вернулся, а утром про-должил поиски по своему берегу, уйдя почти до самого трак-та. И неожиданно наткнулся на узкую дорожку, проложен-ную кем-то через чашу. Дорога, судя по ширине, была пред-назначена для прохода телег. Колеи от колес не имелось – значит, проездом пользовались не часто, а чтобы он не за-растал, свежая поросль кустов и деревьев была срублена под самый корень. Некоторые из тонких пенечков еще даже не

успели засохнуть. Однако недавно кто-то здесь все же прокатился – это доказывала свежепримятая трава.

– Как интересно, – обрадовался ведун. – Тайный обитатель поблизости от веси – это как раз то, что нужно. Если по этой дорожке он возит что-то или кого-то в деревню, то логово должно быть в другой стороне...

Середин повернул от деревни и ускорил шаг, рассчитывая в ближайшие часы получить ответ на все свои вопросы. Отмахав таким образом с полверсты, он заметил впереди просвет, снял ремень, затянул, повесил наискось через шею и через левое плечо – чтобы ножны не цеплялись за прутья и валежник, – свернул с дорожки, осторожно прокрался вперед... и оказался на пыльном широком тракте.

– Вот ведь, электрическая сила, – почесал в затылке Олег. – Получается, это просто выезд к дороге?

Он прошел по обочине с полсотни сажений, но поворота почему-то не заметил. Повернул назад, внимательнее вглядываясь в лес по сторонам. И опять не обнаружил злосчастного съезда. Но на этот раз обратил внимание на несколько темных пятен в пыли, над которыми кружились мухи. Сорвал листик ольхи, опустил рядом на колено, вжимая пальцем, провел по ближнему темному пятну, стирая с него пыль.

– Вот те раз... Кровь! – Ведун вскочил, повернулся к лесу, пошел напролом через густой ивняк и через несколько шагов выбрался на утопанную поляну, огляделся: – Вот, значит,

как... Ветки опустили, лапником накрыли, телеги закатали, потом все подняли – и выглядит, как и было. Хорошее место для засады. И выскочить можно быстро, и следов не видно, куда повозки пропали. Ловко придумали, молодцы...

Он опять двинулся по просеке, но уже в другую сторону, и через час быстрой ходьбы наткнулся на страшную находку: рядом с тропой, под корнями вывороченного ветром вяза лежало тело. Слипшиеся волосы на разбитой голове, залитая кровью рубаха и штаны. Сапог и пояса на жертве не имелось. Видать, душегубы решили, что это добро им еще пригодится. Но самое страшное – ниже, под мертвецом, проглядывали останки еще многих других жертв. Некоторые разложились уже полностью, иные еще кишели опарышами и жуками.

– Проклятье! – Закрыв воротом лицо, Олег быстрым шагом поспешил дальше. – Это они тут что, с самой зимы бесчинствуют? Нечто никому и дела никакого нет?

Спасаясь от нестерпимого смрада, он перешел на бег и только через полверсты смог перевести дух. Но еще почти час ему мерещилось, что сладковатый запах разложения продолжает витать рядом. К счастью, вскоре это наваждение разогнал совсем другой аромат: запах дыма, жареного мяса и копчености. Ведун опять свернул с дорожки, осторожно пробираясь через заросли, и вскоре различил впереди широкую поляну. Оттуда доносилось ржание коней, веселые голоса. Часть поляны загораживал приземистый сруб с узкими

окошками, возле которого, у самой стены, возвышался свежесметанный, еще ничем не прикрытый стог.

Между срубом и Олегом стояли три накрытые рогожей повозки, а возле них лежали на траве две девицы. Каждая была привязана к трем кольшкам: один удерживал шею, два других растягивали ноги, так что намерения хозяев дома в отношении пленниц не вызывали никакого сомнения.

– Вот, электрическая сила... – Ведун понял, что медлить не следует, вытащил косарь и, пригибаясь, подкрался к девушкам, быстро перерезал веревки.

Те поднялись, одергивая подолы и разминая ноги, отирая шею.

– Чего не бежите? – не понял Середин.

– Дык ведь все едино догонят, – развела руками одна.

Олег зло сплюнул: еще никогда в жизни женщины не вели себя так, как он ожидал. Похоже, логика их мыслей так и останется для него загадкой до конца жизни.

– Эй, смерд! Ты кто, откуда?

«Заметили», – подумал Середин, выпрямился и пошел разбойнику навстречу. Хотя какой там тать? Мальчишке на вид еще и пятнадцати не стукнуло. Пожить еще не успел, а уже выбрал путь смерти. Не повезло.

– Эй, ты кто?! – срывающимся голосом выкрикнул паренек, привлекая общее внимание. – Откель взялся?

Олег между тем вышел уже почти на середину поляны и мог спокойно осмотреться. Трое разбойников расположи-

лись у костра, над которым на вертеле зажаривался целый поросенок. Еще один сидел на крыльце, правя лезвие топорика, трое что-то мыли у ручья в низине за домом, двое занимались лошадьми. Итого десять. Ну, еще несколько бандитов может быть в доме. Можно считать, десятка полтора. Из оружия видны были только топоры, причем и те – плотницкие, да утыканные железными шипами дубинки. Ну, еще косари да пара клевцов. Захолустье, одним словом. Даже у душегубов и то приличных клинков не найти. А уж про луки и рогатины так вовсе речи не шло.

– Чего молчишь? Сейчас порежу! – Малец схватился за нож.

– Прохожий я, – ответил Середин. – Шел по тропе, дымок заметил. Решил повернуть на огонек.

– Не повезло тебе, прохожий, – хмыкнул бородач с крыльца. – Искал дармового обеда, а нашел безвременную смерть. От нас назад дороги нет никому. Коли по-мирному вести себя станешь, так и умрешь без мучений. А заставишь нас за собой бегать, то и смерть примешь лютую, сам о кончине просить станешь.

– Дело ясное, – кивнул ведун. – У вас тут все помирают. А скажи мне, душегуб, нет ли среди вас колдуна сильного, дабы порчу смог на целую деревню наслать?

– На что нам колдуны?! – рассмеялся мальчишка. – Мы и так, ножами да палицами славно управляемся. Через день добра наживаем, а таких как ты в землю кладем.

– Жалко, – вздохнул Олег. – Я искал колдуна.

– Славный малый попался! – подал голос наряженный в алую косоворотку бандит от костра. – Не плачет, пощады не просит, убежать не пытается.

– А должен? – усмехнулся Середин. Он уже высмотрел все, что хотел. И причин для беспокойства не видел.

– Даже жалко тебя, лапотник, – поднялся душегуб. – Но уж прости, схрона нашего никто знать не должен. Посему придется тебя предать сырой земле. Извини. Может, пожелаешь чего перед смертью? Побалуем тебя, так и быть. У нас и мед ставленный имеется, и бабы ядреные, и жратвы от пуза. Чего желаешь?

– Да убивайте же вы меня скорее! – вздохнул ведун. – Сколько ждать можно?

– Да он, видать, обезумел со страху, – отозвался коренастый малый, что крутил вертел. – От и несет окоlesiцу. То колдун ему надобен, то смерти просит. Случается. Помнишь, мужика темкинского о прошлом годе? Поперва сапоги целовал, а опосля колыбельные петь начал. В минуту умом тронулся, как об участи своей узнал.

– Да он просто чаловский, – возразил бородач с крыльца. – Там все мужики такие, малохольные. Овцы овцами. И тупы как бараны. Ты его резать станешь, а он и не поймет вовсе, че с ним делают. – Тать презрительно сплюнул.

– Будь милостив к слабым, – махнул рукой краснорубашечный. – Синеус, отведи его к яме, дабы тут не воняло, и

там отправь в мир предков быстро и без лишних терзаний.

– И то верно, – согласился бородач. – К чему лишние страдания! Ступай, племяш, сделай это милостиво.

– Да, дядюшка, – согласился мальчишка и указал своим ножиком в сторону девок: – Туда ступай.

– Ты сбрендил, дурашка? – показал ему свой обнаженный косарь ведун. – Никуда я не пойду. Здесь убивайте.

– Он не идет, дядь Зорислав! – обиженно пожаловался мальчик.

– Так я и знал! – Бородач отложил топорик и поднял с земли истыканную гвоздями дубину. – Никто по-доброму ложиться не желает.

Разбойник поднялся со ступеней и, тяжело переваливаясь, направился к Олегу:

– Отчего доброго слова никто не приемлет, не пойму никак. Ведь все едино по-моему будет. И пойдешь сам, и ляжешь, куда укажу, по моему слову. Для сего ведь окромя ног ничего не надобно. А руки я тебе сейчас подроблю для вразумления. Поперва плечо левое. Коли не поймешь – то и правое. А и они разума не прибавят, так бока могу умять, ровно ребра бараньи.

Олег попытался представить, как он выглядит их глазами. Обычный усталый смерд в длинном кафтане с замызганными глиной полами. Ремень через плечо, нож в руках. Невинный прохожий, чего придирааться? Так ведь нет, все едино смерти ищут. Нехорошо...

А еще он мысленно вознес благодарность лесному зверю, напугавшему его так, что уже несколько дней Середин не выходил за пределы деревни без пластинчатого, кованного из булатной стали доспеха.

– Добром пойдешь? – еще раз переспросил, подходя ближе, бородач.

– Нет, конечно, – расплылся в улыбке Олег.

– Пойдешь! – широко размахнулся разбойник.

Дубины – как и топоры, и топорики, и кистени, и нунчаки, и палицы, и шестоперы – при всей своей убийственности имели один недостаток: все они требовали хорошего замаха. И тем самым давали фору в несколько мгновений жертвам атаки. Ведун этот шанс не упустил, сделав быстрый шаг вперед – бородач, осознав ошибку, успел округлить глаза, вскинуть перед глазами растопыренную пятерню, но остановить быстрого ножа, входящего в живот, не успел. Середин провернул клинок в ране, дабы уж точно сделать ее смертельной, выдернул косарь и отступил.

– Дядя!!! – издал вопль ужаса мальчишка и упал перед умирающим татем на колени. – Дядя, дядюшка, нет, не нужно! Дядь, не умирай!

Душегуб лишь хрипел в ответ, роняя с губ розовую пену. На вопли паренька из дома на крыльцо выскочили еще двое мужиков, и Середин понял, что разбойников даже меньше, чем он думал.

Тати замерли. Вскочили те, что сидели у костра, отпусти-

ли лошадей конюхи, замерли, прислушиваясь, бандиты у ручья.

– Дядя, дядя, – обливаясь слезами, уговаривал мертвеца Синеус. – Дядя, не уходи.

– Как это, «не уходи»? – поморщился ведун. – Твой дядя был грабителем. А грабители бывают хорошими, только когда им распарывают животы или вешают на осинах.

– Подлая тварь!!! – Паренек кинулся на Олега с ножом, но его клинок лишь чиркнул по броне у живота. Середин же аккуратно вонзил косарь ему под лопатку и уложил на спину в густую траву.

– Бей его, мужики!!! – заорал тать в красной косоворотке, подхватил палицу и кинулся на ведуна.

– Наконец-то, – облегченно выдохнул Середин. Избивая беззащитных людишек, пусть и уголовников, воображающих себя героями, он все же испытывал бы муки совести. Драться в открытом поединке было для его души куда проще. Один к десяти – разве это не честно?

– Н-на-а!!! – Краснорубашечный бандит замахнулся палицей из-за головы.

Середин скользнул навстречу, чиркнул остро отточенным косарем по его животу и тут же нырнул в сторону, кинул подобранной дубиной бородача в сторону костра, сам устремился к крыльцу, метнул перед собой нож. Пара бандитов, одетых лишь в рубахи и даже не опоясанных, пригнулись, спасаясь от косаря, а ведун дернул из-за спины саблю и ши-

роким взмахом полосонул их по бритым макушкам. Брызнула кровь, Олег же подобрал оставленный бородачом топорик, поспешил к костру. Как он и ожидал, один из бандитов по инерции все еще продолжал крутить вертел, второй выдернул из-за пояса топор. Но топору для удара требуется замах – поэтому сперва ведун подрубил ноги вертельщика, потом вскинул навстречу второму бандиту топорик, и в тот миг, когда два топора с лязгом столкнулись, быстро кольнул душегуба саблей в грудь.

Это и было главным отличием меча от топора, дубины или кистеня. Теми можно только бить с размаху. Клинок же умел и рубить, и колоть, и резать.

Ведун поспешил навстречу «лошадникам». Подставил древко топорика под удар одного, кольнул в живот, да с проворотом, ринулся на другого. Тот тоже бил из-за головы, а поразить таким ударом противника, в прыжке оказавшегося почти вплотную, невозможно. Ведун же прижал лезвие сабли плотно к груди врага, да еще нажал на обух левой рукой, рванул рукоять – и тать осел на землю, заливаясь кровью.

Середин облегченно выдохнул: схватка пронеслась с такой стремительностью, что троица у ручья не успела не то что принять участие, но даже толком понять происходящее. Однако они все равно были душегубами, членами общей банды и не имели права на существование.

– Шевелитесь, кретины, – посоветовал Олег. – Зарежу ведь по одному.

Ведун подошел к костровому и вогнал саблю почти по рукоять ему в спину. Разбойники не поняли намека, и вместо того чтобы приготовить оружие и кинуться разом, побежали вверх по склону по одному. Первый с дубиной – Олег даже не парировал удара, он лишь отклонился в сторону, позволив гвоздям скользнуть по левой части груди, и вогнал саблю в грудь негодяя. Тут же отступил, спасаясь от удара топора, быстро выбросил лезвие вперед, распарывая горло наклонившегося вслед за оружием бандита, шарахнулся влево, поймал падающий сверху широкий плотницкий топор древком топорика бородача, подрубил сжимающую оружие руку и уже вторым ударом снес голову разбойнику.

Медленно выдохнул, оглядываясь и продолжая держать оружие наготове.

Однако над поляной повисла тишина, не разрываемая даже стонами раненых: удары опытного воина оказались все до единого смертельны.

– Ква, вопрос закрыт, – решил ведун после пары минут ожидания, спрятал клинок в ножны и осмотрел свой костюм. Как оказалось, тати дрались достаточно умело. Кафтан оказался порван сразу в четырех местах: на груди, на спине и по бокам. Если бы не ратный доспех, вполне могли бы и победить. Но удары оказались скользкие, не способные пробить кованые пластинки доспеха.

– Зато их было немного больше, – подвел итог Олег, снял испорченный кафтан и отбросил в кусты. – Так что все чест-

но. Эй, девки! Вы где?!

Две девицы, ожидавшие окончания стычки возле своих колышков, подошли ближе к крыльцу.

– Лошадей запрягайте, дуры. Загляните в дом, пройдите по поляне и окрест, поищите, чего есть ценного. Все, что найдете, бросайте на телеги. Здешним добрым молодцам это уже ни к чему...

Обшарив дом и чердак, Олег и недавние пленницы нашли восемь тюков разных тканей, изрядное количество не насаженных на рукояти топоров, бочонок скоб и целую бухту толстой веревки. Из вырытого у самого ручья погреба выгрузили десятка три тяжелых деревянных бочонков с неизвестным содержимым, пяток окороков, короб копченой рыбы, еще изрядно копченых куриных полтей, пластов соленого мяса и прочих съестных припасов. Возможно, где-то поблизости было спрятано и награбленное серебро, но его Середин так и не нашел.

Уже в сумерках тяжело груженный обоз из пяти телег тронулся в путь, чтобы, обогнув лес через тракт и одолев около пяти верст пути, прибыть в Чалово уже после рассвета.

Встречать телеги выбежала половина селения. Как бабы, так и мужики, которые за минувшие полмесяца заметно оживились и стали проявлять интерес к жизни. Беяна, увидев Середина, похоронно взвыла, пустила слезу и кинулась обнимать и целовать:

– Живой, мой суженый, живой, мой родной! Уж чего я не

передумала, чего не перебоялась. Все глаза выплакала, все волосы выщипала...

– Откель сие взялось, знахарь? – хмуро поинтересовался один из мужиков. – Сказывают, шалит кто-то временами на нашем тракте.

– Больше не будет, – прижав к себе заплаканную просто-волосую селянку, пообещал ведун. – Попались тати мне на саблю вместо искомого колдуна. Пришлось побить. Вы вон девиц расспросите подробнее. Они у душегубов в невольницах оказались. А я так, только порубал. Толком и не знаю ничего.

– Сколько же их там случилось, подлых людишек? – спросила Забава, выскочившая из дома в одной исподней рубахе и широком пуховом платке.

– С дюжину набралось. Ну да и леший с ними. Вот путники, татями погубленные, без погребения в яме лежат. Хорошо бы их достойно тризной проводить. Муку ведь безвинную приняли.

– Видать, судьба их такая, – стянул мужик шапку с головы.

– А еще не мешает логово душегубов еще раз осмотреть, мало ли добро какое осталось, – намекнул ведун. – Я ведь второпях сбирался. Коли невинных земле предать пойдете, так заодно и схрон бандитский осмотрите. Может, кстати, и сам сруб кому пригодится. Токмо тогда татей куда-нибудь в болотину скинуть нужно, дабы не смердели.

– То верно, грешно без погребения души невинные остав-

лять, – оживились деревенские. – Сходим, отдадим долг последний. А как путь-то к дому душегубов найти?

Спустя час из Чалова выползла змея из доброго десятка телег. Мужики азартно погоняли лошадей, торопясь попасть к заветному месту. Олег же, заведя свою добычу Беяне на двор, забрался на сеновал и почти сразу заснул.

Хозяйка разбудила его только перед обедом. Причем прямо на сеновал принесла ковш ядреного пенного хмельного меда. Олег с наслаждением напился, после чего спросил:

– В честь чего такое угощение?

– Так ты сам полную телегу бочонков с хмельным добром привез! – рассмеялась женщина. – Ни в погреб, ни на ледник все не влезают. Три я в подпол опустила. Надобно выпить быстрее, пока теплом не разорвало. Идем, Олег, тебя ждем, оголодали уже все...

– Да иду, иду, – сладко потянулся ведун.

Угощение оказалось знатным: наваристые щи с крупными кусками мяса, греча с ветчиной, горшочки с тушеной свиной, а хмельного меда – хоть залейся. Беяна щедрой рукой угощала и освобожденных девиц, отчего-то не спешивших вернуться под родную крышу. Видимо, тоже решили отдохнуть после пережитого и поесть от пуза, благо взятая добыча это позволяла. Не каждый день крестьянский дом ломится от яств, ровно на боярском пиру.

После такого обеда Середина опять потянуло спать. Но он взял себя в руки: весь день проспидь, потом половину ночи

глаз сомкнуть не сможешь. Вышел на двор, ополоснул лицо водой из бадьи у хлева, громко предупредил хозяйку:

– Беляна, пойду-ка я вокруг поброжу, пока светло. Вдруг все же замечу чего интересного.

– Чего у нас интересного может быть? – удивилась селянка. – Токмо наволок с коровьими лепешками, да овраг с лисьей норой.

– Вот их и посмотрю... – Ведуну не хотелось рассказывать Беляне, что ищет он следы колдуна, раз за разом напускающего на весь тихую, но опасную нежить. Пользы от таких рассказов никакой, а панику у местных обитателей вызвать можно.

– Иди, коли охота, – не стала спорить она. – А хочешь, меда тебе с собой в кувшин налью?

– Не надо. К чему лишнюю тяжесть таскать? Лучше вернусь пораньше. Мед от меня никуда не убежит.

Середин вышел за калитку, медленно добрал до колодца, остановился рядом. Солнце уже давно перевалило зенит, далеко сегодня уже не уйдешь. Между тем все ближайšie ямы, затоны, кусты и рощи он успел облазить, ощупать и проверить. На расстоянии пары часов пути оставалось только одно место, которое он так еще толком и не рассмотрел.

Олег скользнул левой ладонью к рукояти сабли, погладил украшенное изумрудом оголовье и решительно повернул к реке.

В этот раз он решил действовать напролом и не давать

неведомому обитателю этого берега ни единой лишней минуты, чтобы спрятаться и отвести глаза: быстро прошел к старице, от нее по тропе к святилищу, обогнул тын, пробежав мимо закрытых ворот. Давнее подозрение оказалось правильным: поклонник бога стихий отнюдь не обладал сверхъестественной силой. Он всего лишь пользовался лазом, образовавшимся между подгнившими и слегка разошедшимися кольями. Следы на траве явственно вели между елочками к светлomu прибрежному березняку.

Держась настороже и не снимая руку с сабли, ведун быстро промчался по тропе – но ни змей, ни зверей не встретил. Дорожка вывела его на галечную отмель, за которой он увидел старую, полуразвалившуюся мельницу с упавшим поперек русла колесом.

– Вот это уже больше похоже на истину, – пробормотал ведун себе под нос.

Всем и каждому ведомо на Руси, что мельники всегда с нечистью всякой в ладах и искусства колдовского не чураются. Да и как же им жить иначе? С Похвистом или Стрибогом не уговоришься – и не будет ветра на крыльях ветряной мельницы. Водяному не угодишь, рассоришься – на водяном колесе вместо течения только водоросли собираться будут. Ан и место для жизни мельники выбирают странное, прочим неудобное. Одни у затонов глубоких, где чуть зазевайся – и с головой в омут ухнешься. Другие – на лысых горах, где только ведьмам любо лунными ночами гулять. Живут мельники

всегда на отшибе, от прочих людей подальше, а с полевицами, лешими да русалками – так рядышком, бок о бок. Оттого с нежитью и сговариваются проще, нежели с людьми.

– Одно странно, мельница по эту сторону реки стоит, – покачал головой ведун. – А колдовство текучей воды преодолеть не способно, рохлям реки не переплыть... Отсюда проклятие на деревню наслать невозможно. Однако проверить не помешает.

Тропа отвернула от воды. Олег доверился ей, и правильно сделал: дорожка обогнула густые ивовые заросли и вывела его прямо к провалу, зияющему на месте бывших дверей. Впрочем, бывшим здесь было все. Бывшая дорога, возле берега еще сохранившая галечную отсыпку, но уже в десятке шагов поросшая травой, а немногим дальше – и деревцами. Бывшие ворота, от которых уцелели только столбы и одна полуоткрытая и глубоко ушедшая в землю створка; бывший забор, рассыпавшийся в трухлявую ленту; бывшая крыша, теперь просвечивающая насквозь, и бывший пол, провалившийся сразу в нескольких местах. Уцелели только мельничные жернова – но приводивший их в движение вал, надломленный посередине, бессильно упирался в потолок. Здесь было сумрачно, пахло плесенью и грибами. Проживать здесь, прятаться и уж тем более проводить какие-то обряды было невозможно.

– Непонятно только, зачем сюда протоптана дорожка, – хмыкнул Олег и потер левое запястье. Ему очень сильно,

нестерпимо не хватало освященного крестика. Будь на руке крест, он бы сразу определил: есть здесь хоть какие-то следы чародейства или нет. А так приходится только гадать.

Середин отступил от ворот, оглядываясь – и вдруг заметил шагах в двадцати, за серой полоской камышей, черноволосую девушку, зябко кутающую плечи в платок.

– Привет, красавица, – как можно доброжелательнее улыбнулся он. – Ты здешняя? Из Чалова пришла али с другого места?

Незнакомка чуть склонила набок голову, задумчиво его разглядывая.

– Ты меня не бойся. Я ведун, Олег. Обиды не причиню. Хочу только пару вопросов задать, и все... – Середин попытался пройти к девушке, но не тут-то было: камыши росли в узком, но довольно глубоком затончике, плотно затянутом ряской, и прорваться напрямую оказалось невозможно. Только в обход. – Тебя как зовут-то, милая?

Незнакомка отрицательно покачала головой.

– Подожди, я сейчас... – Ведун потрусил в обход затона, не очень надеясь на успех, а когда достиг цели, девушка, разумеется, уже исчезла. Правда, здесь, по эту сторону, опять же тянулась узкая, мало найоженная, но вполне различимая тропка.

Олег вздохнул, но отступать не стал, побежал дальше. Девушка в своих длинных юбках далеко уйти не могла, а следы на траве различались очень хорошо. Однако ему не повезло.

Изрядно запыхавшись и наловив на штанины репейника и собачек, примерно через час он вышел обратно к мельнице – но уже по дороге.

– Ква, – только и выдохнул разочарованный следопыт. Он принялся чистить одежду, заодно переводя дух, а потом пошел вдоль реки в сторону деревни.

Солнце уже садилось, а путь, как он помнил, получался не такой уж и близкий. Знакомой тропинкой он обогнул заросли ивы, свернул в березняк, вышел из него на низкий луг, растерянно остановился: никакими молодыми елочками здесь и не пахло.

– Неужели кто-то кружит?

Ведун прошел по лугу еще немного. Дружное кваканье и запах тины подсказали, что совсем рядом раскинулось болото. Ветер зашелестел в кронах позади, а когда Середин оглянулся, то вместо березняка увидел высокий темный бор. Впрочем, солнце еще не село, а над ним ни у кого из чародеев власти отродясь не было. Он повернулся левым плечом к западу и пошел вперед, твердо зная, что таким образом очень скоро выйдет к реке. А там берег уже знакомый, не заблудится. И тут вдруг краем глаза он заметил приветливый желтый огонек. Слева, в полусотне сажений, прямо на краю болота, под вековыми раскидистыми вязами манила путников яркими окнами большая бревенчатая корчма с высоким крыльцом и резными столбиками.

Корчма. Вдали от дорог и селений. У чавкающего бездон-

ного болота. Любой здравомыслящий человек от такого места должен бежать со всех ног – и у Олега тоже зачесались пятки. Однако, как ни крути, Середин был не просто проходим. Кто еще, как не ведун, обязан идти в места, где явно «нечисто», и делать их спокойными и безопасными для мирных путников? И хотя солнце уже опустилось за макушки деревьев, хотя в душе возник неприятный холодок, а разум в полный голос кричал о близкой опасности, Олег все равно повернул к корчме, на ходу переложив кистень из поясной сумки в рукав и продев руку в петлю. Громко постучал:

– Есть кто в доме? Пустите обогреться честного человека!

– Коли честный, то заходи, – громко ответили изнутри. – Добрым людям в нашей компании завсегда рады!

Середин торопливо нашептал заговор от морока, взялся за кривой корень, заменяющий ручку, и потянул дверь на себя.

Внутри оказалось светло, тепло и сухо. Посередь просторной горницы стоял длинный монументальный стол из располовиненных бревнышек, возле него – четыре лавки, по две с каждой стороны. Из угощения там имелась только пенная бражка в общем бочонке. Черпать ее, похоже, мог каждый из гостей сколько пожелает. Компания в корчме подобралась весьма пестрая. Во главе стола сидел вихрастый круглолицый паренек в свободной простецкой косоворотке домотканого полотна. Слева от него прихлебывала из резного ковша хмельное варево уродливая патлатая старуха с большу-

щей бородавкой на носу и белесыми выцветшими глазами. По правую руку приземисто расплылся по столешнице наряженный в куртку из рогожи толстяк с лицом, сплошь собранным из крупных морщин. Ближе к ведуну баловался оловянным стаканом гладко выбритый и лысый монах в черной рясе, опоясанной плетью хмеля.

– Ай, добрый молодец, славный витязь! – обрадовался его приходу монах. – Заходи, к столу садись, пива нашего испробуй, веселье наше раздели!

– И вам здоровья и богатства желаю, спасибо на добром слове, – поклонился присутствующим Олег. – Водицы бы я испил, а хмелем голову кружить мне несподручно. Как бы о долге своем не забыть, деле, что совершить надобно.

– Ты пей, пей, касатик. – Бабка зачерпнула невесть откуда взявшимся деревянным ковшиком брагу и поставила на угол перед ведуном. – Нечто хозяев обидеть хочешь, от угощения отказываясь?

– Спасибо, добры люди, благодарствую... – Делать нечего, Середин сел к столу, поднес корец к губам, обмакнул усы в пену. Но ни единого глотка не сделал. Только безумный способен пить неведомо что и невесть откуда в проклятой корчме с сомнительными обитателями.

– Гляди, что у меня есть! – Монах кинул на стол матерчатый мешочек. Узел расползся сам собой, на стол просыпалась изрядная горка золотых монет. – Тебе такого богатства на всю жизнь хватит! Сыграем? Супротив доспеха тво-

его весь мешок ставлю!

И монах опрокинул на столешницу оловянный стакан – оттуда выкатились три кубика и остановились шестерками наверх. Монах засмеялся:

– Ну, давай, добрый молодец. Теперича твоя очередь!

– Странные у тебя кости, отче. – Олег опустил руку, роня кистень из рукава в кулак, и быстро прокатил им по кубикам. – Квакают!

И правда, испуганные прикосновением металла, «кости» прыжками кинулись спасаться, и через пару мгновений лягушата с крапчатыми спинками исчезли в темных углах корчмы.

– Чужое добро портить?! – возмутился, вставая, монах. – Ан проиграл ты все, давай сюда брону!

– Как же проиграл? – засмеялся ведун. – Мой ход ныне. Проиграю, тогда и возьмешь.

– Чем играть станешь? Кости-то сам и спугнул.

– А я, отче, удачу свою на кости, карты и рулетку никогда не ставлю. Токмо на клинок и пику острую. – Олег расстегнул пояс и кинул его на стол, накрыв рукой ножны сабли. – Играем?

Монах зашипел, отступая, и вдруг провалился вниз, струями зеленоватой жижи стекая между досками пола. Со стола стали разбегаться в стороны жуки и таракашки, в которые оборотилось сверкающее золото.

Парень во главе стола рассмеялся:

– Хорошо играешь, добрый молодец! Твое здоровье! – Он приветственно поднял сверкающий самоцветами ковш, сделал несколько больших глотков.

– И тебе того же желаю, – благодарственно кивнул Олег, поднес к губам свой корец. Но пить, разумеется, не стал.

– Коли играть, так без обману надобно, – прохрипел морщинистый толстяк. – Со мной давай об заклад побьемся. Кто зараз пива больше выпьет, тому и выигрыш.

– Грех у человека последнее отбирать, – покачал головой Середин. – Как я с тобой спорить стану, коли у тебя, кроме рогожи, нет ничего? Вот, без заклада с тобой поделюсь. Купи себе кафтан хороший али тулуп. Зима скоро, замерзнешь...

Олег, вытянув из сумки, бросил перед толстяком на стол несколько монет. Парень опять расхохотался, толстяк зло зашипел и сполз под столешницу. Середин запоздало осознал комичность ситуации и тоже улыбнулся: нежить, вызывавшая его на спор, не могла взять монеты, отчеканенные из новгородского серебра! Даже прикоснуться к ним – и то была не в силах.

– Славно ты игроков наших отбрил, добрый молодец, – прокашлявшись, скрипуче похвалила старуха. – За то награжу тебя славно. Ведомы мне места многие, в коих клады златые зарыты. Покажу тебе един тайник. Отроешь – да пользуйся. Живи-поживай да добра наживай.

– Коли клады ведаешь, бабуль, отчего сама не отроешь? – удивился Олег. – От бы покаталась как сыр в масле на ста-

рости лет.

– Дык стара, немощна, добрый молодец.

– А разве тебя кто торопит? Потихоньку, полегоньку да отрыла бы.

– Совсем стара... К чему мне? А тебе покажу. Люб ты мне, понравился.

– Мыслю я, бабуля, не я тебе люб, а клад таков, что в руки не дается. Али сторож при нем имеется неодолимый, а может статья, и золота там нет, токмо страж, да проклятия тем, кто покой потревожит.

– Молодец, добрый человек, – улыбнулся парень. – Все уловки разгадал. Мыслили мы над тобой пошутить, ан ты сам шутников высмеял. Повеселил, повеселил... Ну, коли так, придется наградить тебя. За удаль да за задиристость бесстрашную.

– Что за награду может предложить тот, кто с нечистью всякой якшается? – пожал плечами Олег. – Боюсь, добра от нее не будет. А вот зло случится запросто.

– Не знаю, удалец, – усмехнулся паренек. – Добро, зло – кто их различит? Непонятно. Смертных послушать – так одна путаница. То бегут, дождя просят. То бегут, просят от дождя избавить. То опять просят. То опять избавить молят. И каждый раз с надрывом, ровно жизнь их от сего зависит. Вот и скажи мне, удалец, дождь это как: зло или добро?

У ведуна аж во рту пересохло от неожиданного прозрения. Он знал, знал, что это за юный, любящий забавы паренек.

нек, которого уважает и почитает за старшего всякая нежить, у которого смертные просят дождь и который не гнушается выпить пива в замороженной приболотной корчме!

– А что с нечистой пирую, так она тоже на земле обитает, тоже пошутить любит, тоже милости просит. Отчего вам, смертным, я помогать должен, а их без покровительства оставлять?

Да, это был он! Весельчак и баламут с переменчивым характером, повелитель дождей и ветров, гроз и снегопадов. Хороший приятель для хранителей трав, деревьев и воды – но непонятный капризуля для озабоченных урожаями, сенокосами и половодьями земледельцев. Тот, чей идол единственный из всех оказался ухожен в заброшенном святилище. А значит – особо почитаем. Вестимо, было за что. Похвист, сын Стрибога, получивший от отца часть его силы и власти. Бог, конечно, не из главных, но все же бог, не простым смертным чета. Мощи и возможностей имеет куда больше, нежели обычный колдун и пожелать в силах.

Хотя, конечно, таких магов, как Аркаим и его брат, может и не одолеть.

– Чем же ты наградишь меня желаешь? Что тебе по силам? – аккуратно подначил паренька ведун.

– Мне по силам все! Так много, что ты и помыслить не способен. Хочешь – серебром и золотом осыплю. Хочешь – бурю на врагов нашлю. Хочешь – отвечу, как деревню от напасти колдовской избавить. Али иную загадку загадай. За-

гадки, коли хитрые, оно разгадывать забавно. Мне – развлечение, тебе – лишняя награда.

– Золота и серебра мне на жизнь хватает. Много нахапать – это токмо тяжесть лишнюю опосля таскать. Ворогов таких, чтобы бурю насылать, я покамест не нажил, с колдовством и сам управлюсь... – задумчиво ответил Середин. – Загадку лучше разгадай, коли мудростью великой владеешь.

– Загадка? – повеселел Похвист и хорошенько прихлебнул пива. – Давай свою загадку! Не найду ответа – стало быть, два желания твоих сполнять стану. А угадаю – так ты ко мне в услужение пойдешь!

– Какое услужение? – удивился Середин. – Ты же мне ответ в награду обещал!

– Экий ты памятливей! На мякине не проведешь. Ну, коли обещал, так и будет. Мой ответ – твоя награда. Говори!

– Ведомо мне, о мудрейший, что отсель на восток преизрядно, за землями торков, в стране Каим жили и враждовали страшно два брата-колдуна, Аркаим и Раджаф. Сила в них громадная, никто с ними справиться не способен.

– Ты хочешь, чтобы я их одолел?! – востропел Похвист. – Смел, растоптал, порвал в клочья!

– Нет, не хочу. Почто на чужие плечи свои тяготы валить? Я желаю сам их одолеть. Да так, чтобы и следа от их злодеяний на земле не осталось. Скажи мне, мудрый хозяин корчмы, как это сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.